

Эмили
Бронте

ГРОЗОВОЙ
ПЕРЕВАЛ

Экранизированная классика (Бертельсманн)

Эмили Бронте
Грозовой перевал

«РИПОЛ Классик»

1847

Бронте Э.

Грозовой перевал / Э. Бронте — «РИПОЛ Классик»,
1847 — (Экранизированная классика (Бертельсманн))

Это история роковой любви Хитклифа, приемного сына владельца поместья «Грозовой Перевал», к дочери хозяина Кэтрин. Демоническая страсть двух сильных личностей, не желающих идти на уступки друг другу, из-за чего страдают и гибнут не только главные герои, но и окружающие их люди. «Это очень скверный роман. Это очень хороший роман. Он уродлив. В нем есть красота. Это ужасная, мучительная, сильная и страстная книга», – писал о «Грозовом Перевале» Сомерсет Моэм... Если бы старый Эрншо знал, чем обернется для его семьи то, что он пожалел паренька-простолоудина и ввел его в свой дом, он убежал бы из своего поместья куда глаза глядят. Но он не знал – не знали и другие. Не знала и Кэтрин, полюбившая Хитклифа сначала как друга и брата, а потом со всей пылкостью своей юной природы. Но Хитклифа не приняли в семье как равного, его обижали и унижали, и он долго терпел. А потом решил отомстить. Он считает, что теперь все, кто так или иначе связан с семьей Эрншо, должны страдать, причем гораздо больше, чем страдал он. В своей мести он не пощадит никого, даже тех, кто к нему добр. Даже любящую его Кэтрин...

Содержание

Эмили Бронте: жизнь и роман	6
Грозовой Перевал	17
Глава 1	17
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	43
Глава 7	47
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эмили Бронте

Грозовой перевал

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», издание на русском языке, художественное оформление, 2014

© Hemiro Ltd, 2014

© Н. С. Рогова, перевод на русский язык, 2014

© И. С. Веселова, примечания, 2014

Эмили Бронте: жизнь и роман

В октябре 1847 года в числе литературных новинок сезона появился в Лондоне роман в трех частях, выпущенный издательской фирмой «Smith, Elder & Co», произведший сразу сильное впечатление на английскую публику и успевший разойтись в значительном числе экземпляров прежде, чем появились первые газетные отзывы о нем. Интерес, возбужденный им, был так велик, что, как говорили, даже сам великий Теккерей отложил перо и сидел, углубленный в чтение «Джейн Эйр», – романа, принадлежащего перу неизвестного автора, скрывавшегося под псевдонимом Каррер Белл.

Эта книга разошлась в какие-нибудь три месяца, так что в январе 1848 года потребовалось уже новое издание.

Появление каждого нового литературного имени, получающего успех, всегда возбуждает интерес и просто любопытство. В данном случае успех был громадный, и сопровождавший его интерес и любопытство публики столь же велики.

Стали искать, не попадалось ли где-нибудь раньше имя Каррер Белл, и вскоре была обнаружена книжечка стихотворений, вышедшая за год перед тем и потонувшая было в море забвения, почти никем не замеченная. Книжечка эта представляла собой сборник стихотворений, принадлежавших трем авторам: Каррер, Эллис и Эктон Белл. Открытие это привело публику и прессу в полное недоумение, которое еще возросло, когда в декабре того же 1847 года другая издательская фирма выпустила еще два романа: «Грозовой Перевал», подписанный именем «Эллис Белл», и «Агнес Грей» – именем «Эктон Белл» – произведения столь же оригинальные, но совершенно иного характера.

Сейчас же, не только среди обыкновенных читателей, но и в прессе, возникло множество догадок относительно того, были ли это действительные имена авторов или это лишь присвоенные ими псевдонимы; а если псевдонимы, то принадлежали ли они трем братьям, или трем сестрам, или же лицам, не состоявшим ни в каких родственных отношениях? Множество народу обращалось с этими вопросами к издателям, но и они сами ничего не знали. А между тем авторы романов, и особенно Каррер Белл, вели деятельную и энергичную переписку со многими известными в то время лицами, но переписка шла через посредство какой-то никому не известной мисс Бронте, бывшей гувернантки, дочери пастора в Хауорте, одном из захолустных местечек Йоркшира. То обстоятельство, что письма адресовались в Йоркшир, никого не удивляло, так как все единодушно были согласны с тем, что авторы, кто бы они ни были, были уроженцы северной, а никак не южной Англии. Ведь ни один южанин не в силах был бы так живо изобразить страстного, могучего, сурового йоркширца, со всеми его доблестями и пороками, и с окружающей его дикой природой. Только спустя значительное время, медленно, и принимаемое лишь с большим сомнением, распространилось наконец убеждение, что три загадочных автора, скрывающихся под именами «Каррер, Эллис и Эктон Белл», были не кто иной, как три дочери пастора, скромные провинциальные гувернантки, никогда в глаза не выдавшие ни одного писателя и не имевшие ни малейшего понятия о Лондоне.

Загадка, казалось, была разрешена, но на деле решение это привело лишь к новым недоумениям и предположениям. Сама фамилия Бронте приводила в смущение: одно несомненно – фамилия эта не английская. Обратились к истории их отца и убедились, что он был выходец из Ирландии, сын Хью Бронте, простого фермера; но сам Хью Бронте опять-таки явился неведомо откуда и т. д. и т. д. С одной стороны возникло предположение, что в Ирландии фамилия Бронте (Bronte) была не Бронте, а Prunty, с другой же стороны ему стали приписывать иноземное, французское происхождение.

Наконец, оставался открытым вопрос, откуда сестры Бронте почерпнули свой опыт: тонкое знание человеческой природы, со всеми ее хорошими и дурными свойствами, с неукроти-

мой страстью, способной на преступление; где почерпнули они свои радикальные воззрения, свою ненависть к ханжеству, фальши и светской пустоте английского духовенства – черты, поражавшие в дочерях пастора? Наконец, что способствовало развитию в них такого мощного воображения и что могло сообщить ему его отличительную мрачную окраску? Произведения этих преждевременно унесенных смертью женщин были таковы, что приковывали к себе внимание читателя своим содержанием, заставляли его заинтересовываться и внутренней, душевной жизнью автора, вызывая потребность в их откровенной биографии.

* * *

На железнодорожном пути, проходящем на Лидс и Брэдфорд, в четверти мили от полотна железной дороги расположен город Китли. Он находится в центре шерстяных и суконных фабрик, – промышленности, дающей занятие почти всему населению этой части Йоркшира. Благодаря такому своему положению Китли в начале девятнадцатого столетия из многолюдной богатой деревни быстро превратился в богатый и промышленный город.

В то время, о котором идет речь, то есть в сороковых и пятидесятых годах девятнадцатого столетия, местность эта почти окончательно утратила свой сельский характер. Путешественник, желавший видеть сельский Хауорт, с его пасторальными и безотрадными болотами, заросшими вереском, столь любимыми даровитыми сестрами-писательницами, должен был бы сойти на железнодорожной станции Китли, в какой-нибудь полумиле от этого города, и, пройдя его, свернуть на дорогу в Хауорт, почти до самой деревни не утрачивающей характера городской улицы. Правда, по мере того, как продвигался он по дороге к стоявшим на западе кругловатым пригоркам, каменные дома начинали редеть и появлялись даже виллы, видимо принадлежавшие людям менее занятым в промышленной жизни. Как сам город, так и весь путь от него до Хауорта, производили удручающее впечатление отсутствием зелени и своим общим однообразным сероватым колоритом. Расстояние между городом и селением около четырех миль, и на всем этом протяжении, за исключением лишь упомянутых вилл да нескольких домов фермеров, тянулись целые ряды домов для рабочих шерстяных фабрик. По мере того как дорога поднимается в гору, почва, сначала довольно плодородная, становится все беднее, производя лишь жалкую растительность в виде тощих кустов, растущих кое-где около домов. Каменные стены всюду занимают место зеленых изгородей, а на изредка попадающихся клочках доступной обработке земли виднеется какой-то бледный желтовато-зеленый овес.

На горе прямо против путешественника возвышается селение Хауорт; уже мили за две видно оно, расположенное на обрывистом холме. Вдоль линии горизонта тянется все та же извилистая, волнообразная линия холмов, из-за которой местами выдвигаются опять новые холмы того же серого цвета и формы на темном фоне пурпурных торфяных болот. Эта извиляющаяся линия производит впечатление чего-то величественного своей кажущейся пустыньностью и безлюдностью, а иногда даже удручающего зрителя, чувствующего себя совсем отрезанным от света этой однообразной, непреступной стеной.

Под самым Хауортом дорога сворачивает в сторону, огибая холм, и пересекает ручей, протекающий долиной и служащий двигательной силой для многих расположенных по дороге фабрик, и затем опять круто поворачивает в гору, являясь уже улицей самого селения. Подъем до такой степени крут, что лошади с трудом взбираются наверх, несмотря на то, что каменные плиты, которыми мостилась улица, обыкновенно укладывались острием кверху, чтобы лошади могли удержаться копытом, но тем не менее они, казалось, каждую минуту рисковали скатиться вниз со своим грузом. Старинные, довольно высокие каменные дома возвышались с обеих сторон улицы, сворачивавшей в сторону на самой верхней точке деревни, так что весь подъем производил впечатление отвесной стены.

Эта до крайности крутая деревенская улица выводила на плоскую вершину холма, где возвышалась церковь, а напротив нее – пасторат, к которому вел узенький переулок. По одну сторону его тянулось кладбище, подымаясь круто в гору, со множеством могил и крестов, а по другую сторону стоял дом, где помещалась школа и квартира кистера¹. Под окнами пастората был устроен небольшой цветник, когда-то предмет тщательных забот, хотя в нем росли лишь самые незатейливые и выносливые цветы. За каменной оградой кладбища виднелись кусты бузины и сирени; перед домом расстилалась зеленая лужайка, перерезанная песчаной дорожкой.

Сам пасторат представлял собой двухэтажное мрачное здание, сложенное из серого камня с тяжелой черепичной кровлей, построенное не позже второй половины XVIII века.

Церковь, одна из стариннейших в этой местности, подвергалась стольким видоизменениям и обновлениям, что почти не сохранила ничего характерного ни с внутренней, ни с внешней стороны. По правую руку от алтаря в стену вделана таблица с именами членов семьи Патрика Бронте, один за другим умерших в Хауорте и похороненных в семейном склепе. Первым стоит имя жены – Марии Бронте, умершей на тридцать девятом году жизни, и затем имена шестерых ее детей: Марии – одиннадцати лет, Елизаветы – десяти лет, умерших в 1825 году; Патрика Бренуэлла Бронте – 1848 г. – тридцати лет; Эмили Бронте, тоже 1848 г. – двадцати девяти лет; Энн Бронте в 1849 г. – двадцати семи лет и затем за недостатком места, уже на другой табличке – имя последней сестры, Шарлотты, бывшей замужем за Артуром Беллом Николсом и умершей в 1855 году, на 39 году своей жизни.

В этом сером, неприветливом доме, лишенном многих необходимых условий комфорта, стоящем на вершине высокой горы, открытой всем ветрам, окруженном кладбищем и целой цепью торфяных болот, 25 февраля 1820 года появилась семья только что назначенного пастора, достопочтенного Патрика Бронте, происходившая родом из той части Ирландии, которая известна под именем Country Down. Сам пастор, человек страстного темперамента, изредка поддававшийся неудержимым вспышкам гнева, но обыкновенно сдержанный, высокомерный и суровый, не внушал сначала особой симпатии своей пастве и держался в стороне от обитателей Хауорта, ограничиваясь добросовестным исполнением своих обязанностей. Все свободное время он проводил в своем кабинете или же в длинных, одиноких прогулках по заросшим вереском откосам гор, окружающих Хауорт. Кроме исполнения своих обязанностей пастора Патрик Бронте писал богословские трактаты, стихи и даже целые поэмы, из которых лишь немногим суждено было появиться в печати. Жена его, женщина лет 37, не могла поддерживать отношений с соседями: от природы болезненная, слабогрудая, истощенная частыми родами, она почти не выходила из своей комнаты, где проводила время в обществе детей. Вскоре по переезде ее в Хауорт стало очевидно, что она больна раком и что дни ее сочтены. С этой минуты дети ее были удалены из комнаты матери и предоставлены почти исключительно самим себе. Старшей из них, Марии, в это время только минуло шесть лет. Все знавшие ее всегда отзывались о ней как о глубокомысленной, очень спокойной, далеко не по летам серьезной девочке. По наружности это было болезненное, миниатюрное существо, поражавшее своим недетским умом и преждевременным развитием. Ребенок этот не имел детства: с раннего возраста ей приходилось служить помощницей больной матери в хлопотах по дому и в уходе за младшими детьми. После смерти матери, последовавшей через семь месяцев после переезда их в Хауорт, Мария была постоянным и притом совершенно серьезным собеседником своего отца и приняла на себя роль матери по отношению к остальным детям, из которых младшей, Энн, тогда не успело еще исполниться и года.

¹ Кистер (*нем.* Kuster, *лат.* custos) – смотритель церковных зданий, часто совмещавший свою должность с должностью школьного учителя.

Мистер Бронте, никогда не имевший неприятных столкновений со своими прихожанами, по-прежнему почти не сходил с ними, ограничиваясь лишь посещением больных. Сам в высшей степени дорожа неприкосновенностью своей частной жизни, он никогда не вмешивался в их дела и избегал обычных посещений, столь неприятных в глазах местного, далеко не особенно религиозного и в высшей степени независимого населения.

«Редко попадаете такой хороший пастор, – говаривали его прихожане, – занимается себе своим домом, а нас оставляет в покое».

Действительно, Патрик Бронте всегда был занят делом. Принужденный держаться очень строгой диеты вследствие расстроенного пищеварения, он еще в последние месяцы жизни своей жены усвоил привычку обедать в кабинете и затем уже никогда в жизни не изменял этой привычке. Таким образом, с детьми своими он видался только по утрам, за завтраком, и в это время совершенно серьезно толковал о политике со старшей дочерью Марией, ярой сторонницей тори², как и ее отец, или же занимал всю семью своими страшными рассказами из столь богатой ужасами и приключениями ирландской жизни. Несмотря на такой кажущийся недостаток близости с детьми, Патрик Бронте пользовался в их глазах величайшим уважением и любовью и имел на них огромное влияние. Время завтрака, проходившее в политических беседах и рассказах отца, было самым драгоценным для них временем.

Почти все остальное время дети проводили одни. Одна добрая старуха, ухаживавшая за миссис Бронте во время ее болезни и знавшая всю семью, не могла говорить об этих детях без умиления и удивления. В доме для них была отведена комната на самом верху, не имевшая даже камина и носившая название не детской, как бы следовало ожидать, а «кабинета детей», Children's Study. Запершись в этой комнате, дети сидели так тихо, что в доме никто не заподозрил бы их присутствия. Старшая, Мария, семи лет, прочитывала всю газету и затем рассказывала остальным ее содержание, все, из конца в конец, и даже парламентские дебаты. «Она была настоящей матерью для своих сестер и своего брата, – рассказывала эта старуха. – Да и никогда не бывало на свете таких хороших детей. Они до того не походили ни на каких других, что казались мне какими-то неживучими. Отчасти я приписывала это фантазии мистера Бронте, не позволявшего им есть мяса. Он поступал так не из стремления к экономии (в доме молодые служанки без надзора умершей хозяйки тратили и много, и беспорядочно), а из убеждения, что дети должны воспитываться в простой и даже суровой обстановке, а потому за обедом им не давали ничего, кроме картофеля. Да они, казалось, ничего иного и не желали: они были такие милые маленькие существа. Эмили была самая хорошенькая».

Мистер Бронте искренно желал закалить своих детей и воспитать в них равнодушие к изысканному столу и нарядам. И этого он достиг по отношению к своим дочерям. Та же женщина, бывшая сиделкой при миссис Бронте, рассказывала о таком случае. Местом прогулки для детей обыкновенно служили окрестные горы с их торфяными болотами, и дети выходили на прогулку одни, все шестеро, взявшись за руки, причем старшие обнаруживали самую трогательную заботу о младших, не совсем еще твердо державшихся на ногах. Раз как-то, в то время как дети отправились на свою прогулку, пошел сильный дождь, и сиделка мистрис Бронте, предполагая, что они рискуют вернуться домой с мокрыми ногами, откопала где-то в доме цветные башмаки, подарок какой-то родственницы, и поставила их в кухне у огня, чтобы согреть их к их возвращению. Но, когда дети вернулись, башмаки исчезли, – в кухне остался только сильный запах жженой кожи. Мистер Бронте, случайно зайдя в кухню, увидел башмаки и, найдя их чересчур яркими и роскошными для своих детей, тут же, не думая долго, сжег их на кухонном огне.

Дети не имели никакого постороннего общества и массу времени посвящали книгам, хотя того, что подразумевается под «детскими книгами», у них совсем не было и они бес-

² Тори (англ. Tory с ирландск.) – название английской политической партии консерваторов.

препятственно поглощали все попадавшие им в руки произведения английских писателей, поражая своей глубокой мудростью всю прислугу, находившуюся в доме. В одном из писем к биографу своей дочери, к миссис Гэскел, отец сам пишет по поводу своих детей:

«Еще будучи совсем маленькими детьми и едва научившись читать и писать, Шарлотта, а также и все ее сестры и братья, получили привычку разыгрывать небольшие театральные представления своего собственного сочинения, в которых герцог Веллингтон – герой моей дочери Шарлотты, непременно являлся победителем, когда возникали между ними довольно частые споры относительно сравнительных достоинств его, Бонапарта, Ганнибала и Цезаря. Когда случилось, что спор становился чересчур горяч и голоса возвышались, мне приходилось иногда самому выступать в качестве верховного судьи, – мать их в это время уже умерла, и решать спор согласно своему собственному усмотрению. Вообще, принимая участие в этих пререканиях, мне часто случалось подмечать такие признаки таланта, каких я прежде никогда не видал в детях их возраста».

Однако такое положение детей, предоставленных почти исключительно самим себе и заботам прислуги, никому не могло казаться удовлетворительным, и приблизительно через год после смерти миссис Бронте, одна из старших сестер ее, мисс Бренуэлл, приехала в Хаурт и приняла на себя заботу о доме и детях. Это была, несомненно, очень благожелательная и добросовестная личность, но узкая, пожалуй, даже ограниченная и властолюбивая старая дева. Она и дети, за исключением лишь младшей девочки, Энн, всегда отличавшейся большой кротостью и мягким, податливым характером, да мальчика, Патрика, – ее любимца и баловня, сразу как-то не поняли друга друга и стали в какие-то официальные отношения, совершенно лишённые той задушевности и простоты, которая одна только и могла бы открыть ей доступ к их сердцу и дать ей возможность заступиться при них на место матери. Стараниями мисс Бренуэлл старшие девочки, Мария и Элизабет, а за ними Шарлотта и Эмили были отправлены в свою первую школу, но для девочек Бронте она стала настоящим испытанием.

Кроме безобразного отношения учительниц и недостатка питания, дети еще страшно страдали от сырости и холода. Всего мучительнее и изнурительнее действовали на них обязательные воскресные посещения церкви. Тунстальская церковь находилась на расстоянии по крайней мере двух миль от школы – путь далеко не малый для истощенных детей, которым нужно было совершать его два раза в день. Денег на отопление церкви не отпускалось, а детям, присутствовавшим обязательно на двух службах, приходилось высиживать в холодном отсыревшем здании чуть не половину дня. При этом лишены были даже возможности согреться горячей пищей, так как они брали с собой холодный обед и съедали его тут же в одной из боковых комнат в промежутке между двумя службами.

Результатом такого положения дел явилась страшная эпидемия тифа, от которого слегло сорок пять человек из восьмидесяти воспитанниц. Событие это, разумеется, вызвало сильнейшее волнение в обществе. Родители спешили разобрать по домам своих детей. Организовано было целое следствие, выяснившее, наконец, все упущения и злоупотребления, о которых и не подозревал директор, мистер Вильсон, в своем самодовольном ослеплении. Дело кончилось тем, что неограниченная власть мистера Вильсона подверглась ограничению, доверенная кухарка была изгнана, и даже решено было немедленно приступить к постройке нового здания для школы. Все это произошло весной 1825 г. Ни одна из девочек Бронте не заболела тифом, но здоровье Марии, не перестававшей кашлять, наконец обратило на себя внимание даже школьной администрации. Мистер Бронте, ни о чем не имевший ни малейшего представления, так как вся переписка детей подвергалась тщательной школьной цензуре, был вызван школьным начальством и, к ужасу своему, застал старшую свою дочь Марию чуть не накануне смерти. Он сейчас же увез ее домой, но было уже слишком поздно: девочка умерла через несколько дней по возвращении в Хаурт.

Весть о ее смерти подействовала-таки на воспитателей и заставила их обратить внимание на ее сестру, тоже заболевшую чахоткой. Они поспешили отправить ее домой в сопровождении доверенной служанки. Но и она умерла в то же лето, не дожив до начала летних каникул, когда вернулись домой также Шарлотта с Эмили.

Участь Шарлотты и Эмили в школе была несколько легче: Шарлотта была веселая, разговорчивая и очень способная девочка, обладавшая даром внушать к себе симпатию, Эмили же, попавшая в школу пятилетним ребенком и всегда отличавшаяся красотой, сразу превратилась в общую любимицу. Но, хотя им и не приходилось самим терпеть от жестокости и несправедливости старших, тем не менее вид этой жестокости и несправедливости по отношению к их сестрам и другим детям производил на них потрясающее впечатление.

По окончании каникул Шарлотта и Эмили опять отправились в школу, но в ту же осень школьное начальство нашло нужным посоветовать их отцу взять девочек домой, так как сырое местоположение Кован-Бриджа оказывалось крайне вредно для их здоровья. Таким образом, осенью того же 1825 года Шарлотта, тогда уже девяти лет, и Эмили, шести, окончательно вернулись домой из школы и, по-видимому, не могли рассчитывать ни на какое иное образование, кроме того, которое могли они получать у себя дома.

Целых шесть лет прошло прежде, чем сделана была новая попытка дать Шарлотте, а вслед за ней и Эмили, школьное образование. Все эти шесть лет девочки провели дома, почти не видя посторонних людей и не выходя из-под влияния своей обычной домашней обстановки и доступного чтения.

Около этого же времени в семье появился новый член, игравший с тех пор большую роль в жизни детей. Это была новая служанка – пожилая уже женщина, родившаяся, выросшая и проведшая всю свою жизнь в том же селении. Звали ее Тэбби. Тэбби, по словам миссис Гэскел, биографа и друга Шарлотты Бронте, по своему языку, наружности и характеру была истинной уроженкой Йоркшира. Она отличалась здравым смыслом и в то же время большой сварливостью, несмотря на несомненно доброе и преданное сердце. С детьми она обращалась самовластно и сурово, но зато искренне любила их и никогда не жалела труда, чтобы доставить им доступное лакомство или удовольствие. Она готова была выцарапать глаза каждому, кто решился бы при ней не только обидеть, но даже просто сказать о них хоть одно дурное слово. В доме она возмещала собой именно тот элемент, которого так недоставало детям при сдержанной манере самого мистера Бронте и добросовестной доброжелательности мисс Бренуэлл, – элемент непосредственного, горячего чувства. И за это, несмотря на всю ее ворчливость и самоуправство, дети отвечали ей самой горячей, задушевной привязанностью. Старая Тэбби до конца дней своих была их лучшим другом. Потребность подробно знать все, что касалось всех членов семьи, была в ней так настоятельна и велика, что в последние годы ее жизни Шарлотта Бронте затруднялась удовлетворять ее в этом отношении, так как Тэбби стала туга на ухо. Поверяя ей семейные тайны, приходилось выкрикивать их так громко, что их могли бы слышать даже прохожие. Поэтому мисс Бронте обыкновенно брала ее с собой на прогулку и, отойдя подальше от селенья, усаживалась где-нибудь на кочку среди пустынного торфяника и тут, на приволье, сообщала ей все, что та желала знать.

Сама Тэбби представляла собой неисчерпаемый источник самых разнородных сведений. Она жила в Хаурте еще в те времена, когда по дороге еженедельно тянулись обозы, позвякивая своими колокольчиками, нагруженные продуктами китлийских фабрик, и направлялись за горы, к Клоу или Беркли. Еще того лучше она знала всю эту долину в те времена, когда легкие духи и эльфы в лунные ночи разгуливали по берегам ручья, и знала людей, выдавших их своими глазами. Но это было тогда, когда в долине не было еще никаких фабрик и вся шерсть прялась собственноручно на окрестных фермах. «Эти-то самые фабрики с их машинами и прогнали их отсюда», – говаривала она. Немало могла она порассказать из жизни и обычаев минувших дней, о прежних обитателях долины, об исчезнувшем без следа или разорившемся дворянстве;

много знала она семейных трагедий, часто связанных с проявлениями крайнего суеверия, и рассказывала все в полной наивности, не считая нужным о чем-либо умалчивать.

В сентябре 1841 года сестры Шарлотта и Эмили решили поехать в Брюссель в школу-пансион для изучения французского языка и подготовки к открытию собственной школы. План этот долго и основательно обсуждался отцом и теткой, и наконец согласие было дано. Шарлотта и Эмили должны были отправиться в Брюссель, очередь Энн пришла бы впоследствии. Решение это дорого стоило Эмили. Безусловно веря Шарлотте и беспрекословно подчиняясь ее руководству, Эмили лишь с трудом могла примириться с мыслью расстаться со своим Хауртом, единственным местом, где она действительно жила и чувствовала себя счастливой: во всяком другом месте жизнь была для нее мучительным, томительным прозябанием. Шарлотта со свойственной ей широтой и разносторонностью интересов с жадностью стремилась навстречу каждому новому впечатлению. Эмили, при ее более глубокой, но более узкой натуре, перспектива очутиться в заграничном городе, среди чужих ей лиц, слышать кругом себя только чужой язык, приноравливаться к чужим нравам и обычаям, – все это должно было пугать ее, как кошмар. Но на эту неспособность свою уживаться в новом месте и среди незнакомых людей Эмили смотрела как на позорную слабость, и при своей непреклонной верности тому, что она считала долгом, решила на этот раз побороть ее, во что бы то ни стало.

Шарлотта Бронте в своей записке об Эмили говорит:

«Она отправилась со мной в одно учебное заведение на континент, когда ей было уже за двадцать лет, и после того как она долго и прилежно работала и училась дома одна. Следствием этого было страдание и душевная борьба, усиленная еще отвращением ее прямой английской души к вкрадчивому иезуитизму римско-католической системы. Казалось, она теряла силы, но выдержала исключительно благодаря лишь своей решимости: с затаенным укором совести и стыдом она решилась победить, но победа стоила ей дорого. Ни минуты не была она счастлива, пока не привезла своего тяжким трудом заполученного знания назад в глухую английскую деревню, в старый пасторат, в пустынные и бесплодные горы Йоркшира».

Сестры вернулись из Брюсселя с планами открыть школу в здании пастората, но, несмотря на образованность учителей и низкую объявленную плату, желающих учиться в уютном здании не находилось.

Неудачи с организацией школы, однако, оказались только предвестием бед, ожидавших их в родном доме. Брат Бренуэлл, не закончив образования, переживая несчастную любовь к замужней даме, вернулся домой и пропивал каждый грош, попадавшийся ему в руки, в трактире «Черный Бык». Он наполнял старый серый пасторат своими пьяными воплями и жалобами.

«Я начинаю бояться, – писала Шарлотта, – что он скоро доведет себя до того, что станет негодным ни для какого приличного положения в жизни». Дело доходит до того, что она принуждена отказать себе в удовольствии видеть у себя своего друга, мисс Носсей: «Пока он здесь, вы не должны приезжать сюда. Чем больше я смотрю на него, тем более и более убеждаюсь в этом».

Через несколько месяцев Бренуэлл получил известие о смерти мужа своей возлюбленной и поспешно собрался в путь, вероятно мечтая уже о предмете своей любви и поместье, как к нему явился посланный и потребовал его в гостиницу «Черный Бык». Там, запершись с ним в отдельной комнате, он сообщил ему, что муж, умирая, завещал все свое состояние жене, но под условием, что она никогда более не увидится с Бренуэллом Бронте, вследствие чего она сама просит его забыть о ней. Известие это произвело потрясающее впечатление на Бренуэлла. Через несколько часов после ухода посланного его нашли на полу в бессознательном состоянии.

Шарлотта и Энн, возмущенные поведением Бренуэлла, почти не в силах были оставаться в одной с ним комнате. Одна только Эмили по-прежнему оставалась неизменно предана ему.

Она просиживала до глубокой ночи, ожидая его возвращения домой, куда являлся он, едва держась на ногах, и лишь с ее помощью добирался до постели. Она все еще надеялась любовью вернуть его на путь истины, и самые бурные и неукротимые формы, в которых выражалась его страсть и отчаяние, могли только усилить сочувствие и соболезнование Эмили. Чем мрачнее и грознее были явления природы, чем свирепее и неукротимее животная страсть, тем более отзвука находили они в ее душе. О неустрашимости ее рассказывают характерные случаи.

Раз, заметя пробегающую собаку, с понурой головой и высунутым языком, Эмили пошла ей навстречу с миской воды, желая дать ей напиться; но собака, как предполагают, была бешеная и укусила ее за руку. Не растерявшись ни на минуту, Эмили поспешила в кухню и сама прижгла рану раскаленным докрасна утюгом, ни слова не сказав никому из близких, пока рана не зажила окончательно.

Между тем положение Бренуэлла все ухудшалось. Он был настолько слаб, что не мог уже проводить вечеров вне дома и рано ложился в постель, одурманенный опиумом, который он ухитрялся-таки добывать, несмотря на весь надзор за ним. Раз, поздно уже вечером, Шарлотта, проходя мимо полуоткрытой двери, ведущей в комнату Бренуэлла, увидела в ней какой-то странный, яркий свет.

– О, Эмили, пожар! – воскликнула она.

В это время мистер Бронте вследствие быстро развивавшейся катаракты был уже почти слеп. Эмили знала, до какой степени боялся он огня и до чего этот слепой старик был бы напуган пожаром. Не теряя головы, бросилась она вниз в коридор, где всегда стояли полные ведра воды, минуя растерявшихся сестер, вошла к Бренуэлли, и одна, без посторонней помощи, погасила огонь. Оказалось, что Бренуэлл опрокинул свечу на постель, и (в бессознательном состоянии) лежал, не замечая окружавшего его пламени. Когда огонь был затушен, Эмили пришлось еще и вступить с братом в борьбу для того, чтобы насильно выволочь его из комнаты и уложить в свою собственную постель.

Вскоре после этого мистер Бронте, несмотря на свою слепоту, потребовал, чтобы Бренуэлл спал в его комнате, надеясь, вероятно, что присутствие его хоть сколько-нибудь повлияет на этого несчастного человека. Но напрасно, перемена эта только увеличила тревогу его дочерей: на Бренуэлла находили по временам приступы белой горячки, и сестры его, опасаясь за жизнь старика, не спали по целым ночам, прислушиваясь к шуму в их комнате, сопровождавшемуся иногда даже выстрелами из пистолета. На другое утро молодой Бронте, как ни в чем не бывало, выпархивал из комнаты. «А ужасную-таки ночь провели мы с этим бедным стариком!» – говаривал он беспечным тоном. «Он делает все, что может, этот бедный старик! Но для меня все уже кончено, – продолжал он уже плаксиво, – все это ее вина, ее вина!»

В таком состоянии провел он целых два года.

К этому ужасному времени в жизни сестер Бронте относится первая их серьезная попытка выступить на поприще литературы. Потребность творчества лежала в их натуре. При своей скромности, не смея верить своему таланту, они писали, потому что это доставляло им величайшее наслаждение в жизни, и всегда страдали даже физически, не имея возможности удовлетворять этой потребности.

Сестры Шарлотта, Эмили и Энн сначала издали книжку своих стихов под мужскими псевдонимами Каррер, Эллис и Эктон Белл. Книжка не имела успеха, был замечен только талант Эллиса Белла. Но сестры, менее чем за год, написали каждая по большому роману (Шарлотта – «Учитель», Эмили – «Грозовой Перевал», Энн – «Агнес Грей») и отослали издателям. Издатели долго не отвечали, но наконец одна издательская фирма согласилась напечатать произведения Эллиса и Эктона Белл, правда, на очень невыгодных для них условиях, но совершенно отказалась печатать роман «Учитель».

Отказ этот застал Шарлотту в Манчестере, куда она приехала с отцом для операции – удаления катаракты. Получив известие, она в тот же день начала новый роман, наделавший

впоследствии столько шуму – «Джейн Эйр». Роман «Джейн Эйр» вышел в свет в октябре 1847 года. Пресса сделала весьма мало для его успеха: издатели журналов не решались помещать похвальные отзывы о неизвестном произведении совершенно неизвестного автора. Публика оказалась и искреннее, и смелее их, и роман стал раскупаться нарасхват прежде, чем появились первые рецензии.

В декабре того же 1847 года вышли из печати и романы Эмили и Энн: «Грозовой Перевал» и «Агнес Грей».

Роман Эмили Бронте при появлении своем возмутил весьма многих читателей яркостью красок в изображении порочных и исключительных характеров; другие же, напротив того, несмотря на выведенные в нем образы ужасных преступников, были увлечены и захвачены замечательным талантом автора.

Местом действия является ферма, носящая название «Грозовой Перевал». До сих пор еще жители Хаурта указывают дом, стоящий на вершине Хауртской горы и послуживший прототипом этой фермы. Этот дом сохранял еще некоторые следы бывшего когда-то великолепия в виде вырезанной над дверями надписи: «Н. К. 1659», напоминающей подобную же надпись в романе: «Гэртон Эрншо. 1500».

«Осмотрев как бы по обязанности это место, – говорит биограф Эмили, мисс Робинзон, – уходишь отсюда, еще более убедившись в том, что в то время как каждая личность и каждая местность в романах Шарлотты могут быть, несомненно, указаны, одно только воображение Эмили и ее способность обобщения ответственны за характер ее творений».

«Грозовой Перевал» – роман, заключающий в себе материал на десять романов. Так, атмосферу его создает замечательная и чуть ли не лучшая фигура во всем романе. Это Джозеф – величайший в мире лицемер и негодяй, прикрывающийся личиной святости, – неизменный спутник Хитклифа и мучитель всех окружающих. Нам не пришлось бы говорить о нем, так как прямой, деятельной роли в рассказе он не играет, но его фальшивый голос и лицемерные восклицания звучат во всем романе, как какой-то однообразный и неизменный аккомпанемент, внушая в одно и то же время и ужас, и отвращение.

Первый и единственный роман Эмили Бронте представляет собой замечательное произведение, отражая в себе вполне выработанное и законченное мировоззрение автора.

Хитклиф, этот величайший преступник и злодей, поселяя ужас в душе читателя, однако же, не пробуждает в нем равносильного чувства негодования и возмущения. Все возмущение и негодование, на какое только способен читатель, всецело достаются на долю Джозефа, ханжи и лицемера, не совершающего никаких преступных деяний.

Хитклиф – покинутое родителями дитя, выросшее в неблагоприятной обстановке: он жертва наследственности и воспитания. Но он, натура сильная и крупная, представлял собой в равной степени возможность и великого зла, и великого добра; унаследованные свойства, среда и обстоятельства жизни повернули его в сторону зла, но читатель чувствует заложенные в нем зачатки добра и скорбит за него душой. Хитклиф умер, искупив свои злодеяния долгой душевной мукой, имевшей источником своим его единственное высокое и действительно бескорыстное чувство; умер, предчувствуя неудачу и гибель всех своих планов.

«Я бродил вокруг могил, под приветливым шатром звездного неба, смотрел, как ночные мотыльки порхают среди вереска и колокольчиков, слушал, как тихо вздыхает ветер в траве, – и недоумевал, как мог кому-то привидеться беспокойный сон тех, кто спит и навсегда упокоен в этой мирной земле». Этими словами над могилой Хитклифа Эмили заканчивает свой роман.

Роман этот при появлении своем, как мы уже говорили, не нашел себе правильной оценки в критике. Только спустя три года в «Palladium» появился серьезный и сочувственный отзыв о нем. Это почти шекспировское развитие всепоглощающей страсти казалось каким-то уродливым, болезненным явлением, как бы указывавшим даже на извращенность натуры самого

автора. Талант Эмили был чересчур оригинален, чересчур самобытен для того, чтобы найти себе немедленную оценку.

«Грозовой Перевал» был написан в очень тяжелое время ее жизни, когда она изо дня в день наблюдала за постепенной гибелью Бренуэлла, служившего ей явным оригиналом, у которого заимствовала она многие черты и даже целые речи, вложенные в уста Хитклифа. Она наблюдала за ним с всепрощающей любовью и неизменной привязанностью.

«Последние три недели были мрачным временем в нашем доме, – пишет Шарлотта 9 октября 1848 года. – Здоровье Бренуэлла слабело в течение всего лета; однако ни доктора, ни сам он не думали, что конец был так близок. Только один день не вставал он с постели и еще за два дня до смерти был в деревне. Он умер после двадцатиминутной агонии в воскресенье утром, 24 сентября»... «Папа сначала был сильно потрясен, но, в общем, перенес это довольно хорошо. Эмили и Энн чувствуют себя недурно, хотя Энн, по обыкновению, недомогает, а Эмили в настоящую минуту простудилась и кашляет». Казалось, труднее всего перенесла это событие Шарлотта. Она заболела желчной горячкой и целую неделю пролежала в постели, но потом, несмотря на предсказание доктора, что выздоровление будет идти очень медленно, стала поправляться довольно быстро.

«Кажется, я теперь совсем уже оправилась от моей недавней болезни, – пишет она 29 октября того же года. – Теперь меня гораздо более беспокоит здоровье моей сестры, чем мое собственное. Простуда и кашель Эмили очень упорны. Я боюсь, что она чувствует боль в груди, и по временам замечаю у нее одышку после каждого усиленного движения. Она стала очень худа и бледна. Замкнутость ее натуры является для меня источником большого беспокойства. Бесплезно расспрашивать ее: не получаешь никакого ответа. Еще того более бесполезно предлагать ей какие бы то ни было лекарства: она никогда не соглашается на них. Не могу я также не видеть и большой хрупкости организма Энн».

«Великая перемена приближалась», – пишет она в своей биографической заметке о своих сестрах.

«Горе наступало в такой форме, когда ждешь его с ужасом и оглядываешься на него с отчаянием. В самый разгар дневной страды работники изнемогли под тяжестью своего труда. Сестра моя Эмили не выдержала первая... Никогда во всю свою жизнь не медлила она ни с каким выпадавшим на ее долю делом, и не замедлила и теперь. Она погибла быстро. Она потропилась покинуть нас... День за днем, видя, каким отпором встречала она свои страдания, я смотрела на нее с мучительным удивлением и любовью. Я не видала ничего подобного; но, по правде сказать, я никогда и нигде не видала никого, подобного ей. Силой превосходя мужчину и простотой младенца, натура ее являлась чем-то исключительным. Всего ужаснее было то, что, полная сострадания к другим, она была безжалостна к себе: дух ее не имел милосердия к телу, – от дрожащих рук, от обессилевших ног, от потухавших глаз требовалась та же служба, которую несли они и в здоровом состоянии. Быть тут и видеть это, и не сметь выразить протеста – была мука, которой нельзя описать никакими словами».

После смерти Бренуэлла Эмили всего только один раз вышла из дому – в следующее же воскресенье в церковь. Она не жаловалась ни на что, не позволяла себя расспрашивать, отвергала всякую заботу о себе и помощь. «Грозовой Перевал» и Бренуэлл были в последнее время два исключительных, тесно связанных между собой интереса ее жизни. «Грозовой Перевал» был написан, вышел в свет и не нашел себе оценки. Но Эмили была слишком горда, чтобы выказать огорчение или смутиться последовавшими нападками на ее собственную нравственную личность; может быть, она и не ждала ничего другого: в мире поражение терпит добро, а зло торжествует победу.

Но в бумагах ее не нашли никакого признака начала новой работы. В жизни Бренуэлла великий первородный грех тоже одержал победу над великими, заложенными в душе его задатками добра. Он умер, и Эмили, ухаживавшая за ним с таким неизменным терпением и любо-

вью, разлучилась с ним навсегда. Но Эмили никогда не умела переносить разлуки. Обладая гораздо большей физической силой, чем сестры, и, по-видимому, даже гораздо более крепким здоровьем, она быстро хирела под гнетом душевного страдания, причиняемого ей разлукой с домом и близкими людьми. И теперь ослабевший от бессонных ночей и нравственных потрясений организм ее не в силах был бороться с болезнью, и она умерла от скоротечной чахотки 19 декабря 1848 года, 29 лет от роду. До самого дня своей смерти она не отказалась ни от одного из своих обычных домашних дел, тем более что Шарлотта только что встала после болезни, а Энн и мистер Бронте чувствовали себя хуже обыкновения.

Эмили ни за что не соглашалась прибегнуть к совету доктора, а когда он был приглашен и явился в дом без ее ведома, она отказалась переговорить с «отравителем». Она по-прежнему каждый день собственноручно кормила своих собак, но раз, 14 декабря, выйдя к ним в коридор с передником, полным хлеба и мяса, она чуть не упала от слабости, и только сестры, незаметно следовавшие за ней, поддержали ее. Оправившись немного, она со слабой улыбкой в последний раз накормила маленькую курчавую собачонку Флосс и своего верного бульдога Кипера. На следующий день ей стало настолько хуже, что она не узнала даже своего любимого вереска, веточку которого Шарлотта с величайшим трудом разыскала для нее на обнаженных болотах. Тем не менее, едва держась на ногах от слабости, она вставала утром в обычное время, сама одевалась и принималась за свои обычные домашние занятия. 19 декабря она по обыкновению встала и села у камина расчесывать свои волосы, но уронила гребень в огонь и уже не в силах была достать его, пока не вошла в комнату служанка. Одевшись, она спустилась вниз в общую комнату и взялась за свое шитье. Около полудня, когда дыхание ее стало так коротко, что она почти не могла говорить, она сказала сестрам: «Ну, теперь вы можете послать за доктором, если хотите!» В два часа она умерла, сидя в той же комнате на диване.

Когда через несколько дней гроб ее выносили из дому, ее бульдог Кипер пошел за ним впереди всех, неподвижно просидел в церкви во все время службы и по возвращении домой лег у дверей ее комнаты и выл в течение нескольких дней. Говорят, что и потом он всегда проводил ночь у порога этой комнаты и утром, обнюхав дверь, начинал день протяжным воем.

«Все мы теперь очень спокойны, – пишет Шарлотта через три дня после ее смерти. – Да и почему бы не быть нам спокойными? Нам не приходится уже больше с тоской и мукой смотреть на ее страдания; картина ее мучений и смерти миновала, миновал также и день похорон. Мы чувствуем, что она успокоилась от тревог. Нет больше нужды дрожать за нее при сильных морозах или холодных ветрах: Эмили больше не чувствует их».

«Сестра моя по природе была нелюдима, – пишет Шарлотта в своей биографической записке, – обстоятельства только благоприятствовали развитию в ней склонности к замкнутости: за исключением посещения церкви и прогулок в горах, она никогда почти не переступала порога своего дома. Хотя она и относилась доброжелательно к окрестным жителям, но никогда не искала случая сходить с ними, да, за небольшими исключениями, почти и не сходилась. А между тем она знала их: знала их обычаи, их язык, их семейные истории – она с интересом могла слушать и говорить о них с самыми точными подробностями; но с ними она редко обменивалась хотя бы одним словом. Следствием этого было то, что все сведения о них, накопившиеся в ее уме, чересчур исключительно сосредоточивались вокруг тех трагических и ужасных черт, которые иногда поневоле запечатлеваются в памяти людей, прислушивающихся к сокровенной истории каждой местности. Воображение ее, таким образом, было даром скорее мрачным, чем светлым, более могучим, чем игривым. Но если бы она осталась жить, ум ее сам собой возмужал бы, как могучее дерево, высокое, прямое и развесистое, и его позднейшие плоды достигли бы более мягкой зрелости и более солнечной окраски, но на этот ум могли действовать только время и опыт, – влиянию же других умов он оставался недоступен».

Ольга Петерсон (Из книги «Семейство Бронте», 1895)

Грозовой Перевал

Глава 1

Год 1801. – Только что я вернулся от своего хозяина. Он – единственный мой сосед, который может нарушить мое одиночество. Какое тут восхитительное место! Где еще в Англии найдешь уголок, столь далекий от светской суеты – настоящий рай для мизантропа! А мы с мистером Хитклифом – прекрасная пара, чтобы разделить между собой все прелести уединения. Чудесный человек! Он и представить себе не мог, что я сразу же почувствовал к нему симпатию. Ведь его черные глаза метнули в меня из-под темных бровей подозрительный взгляд, и рука решительно спряталась за отворот сюртука, когда я представился.

– Мистер Хитклиф? – спросил я.

Ответом мне был кивок.

– Позвольте представиться, я – мистер Локвуд, ваш новый жилец. Почел за честь поспешить к вам с визитом сразу по прибытии. Надеюсь, что не причинил вам неудобств своим настойчивым желанием поселиться в усадьбе «Скворцы». Вчера я услышал, что у вас были другие планы...

– Усадьба «Скворцы» – моя собственность, сэр, – прервал он меня, неодобрительно морщась. – Неудобств я бы не потерпел ни от кого, уж можете быть в этом уверены. Впрочем – заходите!

Свое «заходите» он произнес сквозь стиснутые зубы, как будто бы хотел сказать «Убирайтесь к черту!», а ворота, на которые он опирался, не отворились по его слову. Только особые обстоятельства заставили меня принять столь негостеприимное приглашение: меня крайне заинтересовал человек, еще менее расположенный к общению, чем я сам.

Увидев, что мой конь грудью пошел на ворота, он все же размотал закрывающую их цепь и пошел впереди меня по мощеной дорожке, небрежно бросив в пространство, когда мы оказались во дворе: «Джозеф, прими лошадь у мистера Локвуда. И вина принеси...»

«Видимо, слуга в доме только один, – подумалось мне в ответ на столь пространное приказание. – Не удивительно, что между каменными плитами двора растет трава, а живую изгородь явно стрижет только один садовник – скот».

Джозеф оказался пожилым, нет, я бы даже сказал, очень старым человеком, но здоровым и жилистым. «Господи, помоги!» – неодобрительно пробормотал он, принимая поводья и помогая мне спешиться. При этом он посмотрел мне в лицо с таким кислым видом, словно божья помощь нужна была старику, дабы переварить недавний обед, а не чтобы отвратить незваного гостя.

Жилище мистера Хитклифа носит название «Грозовой Перевал». «Грозовой» – словечко местное и как нельзя лучше передает капризы ненастной погоды, хозяйничающей на этих холмах. Сейчас здесь дышалось привольно, но по наклону чахлах елей, растущих у дома, и по тому, как тянулся к солнцу тощий терновник, словно нищий, выпрашивающий милостыню, можно было только догадываться, как сильно задувает временами из-за края утеса северный ветер. К счастью, архитектор учел здешние условия, утопив узкие окна в стену и защитив выступы углов мощной каменной кладкой.

Перед тем как переступить порог, я замешкался, восхитившись причудливо украшенным фасадом. Особенно пышно выглядел главный вход, над которым меж осыпающихся грифонов и нескромных амурчиков я увидел дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». В любом другом случае я бы не преминул выказать вежливый интерес и попросить своего угрюмого хозяина поделиться со мной краткой историей прежних владельцев, но нетерпеливая поза, в которой он

замер у дверей, лучше всяких слов сказала мне, что либо я тотчас переступлю порог, либо должен буду немедленно покинуть сии негостеприимные владения и никогда не проникну в святая святых этого дома.

Поднявшись на одну ступеньку, мы сразу оказались в общей комнате, потому что в доме не было ни коридора, ни прихожей. Местные называют такую комнату *залой*. Обычно *зала* объединяет гостиную и кухню, но в Грозовом Перевале кухню, похоже, перенесли в заднюю часть дома. По крайней мере, до слуха моего донесся приглушенный расстоянием разговор и стук кухонной утвари. В огромном камине, находившемся в *зале*, не было никаких следов того, что здесь недавно жарили, варили или пекли; стены не украшали ни начищенные медные сковородки, ни отдраенные жестяные сита. Впрочем, в одном углу ярким светом сияли ряды огромных оловянных блюд, серебряных кувшинов и кружек, возвышавшихся в огромном дубовом буфете и дальше на полках по стене до самой крыши. Крыша открывала пылливому взору всю свою неприглядную изнанку, кроме тех мест, где стропила и балки несли на себе запас овсяных лепешек³, а также связок говяжьих, бараньих и свиных окороков. Над камином были развешены давно не чищенные старые ружья и пара седельных пистолетов. Картину дополняли пестрые жестяные чайницы на каминной полке. Пол был выложен белыми ровными каменными плитами. На нем крепко стояли грубые стулья с высокими спинками, выкрашенные в зеленый цвет, а в тени притаилась пара темных тяжелых кресел. В нише под буфетом возлежала крупная сука пойнтера красно-пегого окраса с выводком повизгивающих щенят. Другие собаки притаились по углам и в укромных местах *залы*.

И дом, и мебель лучше всего подошли бы домовитому фермеру из северных графств – молодцу с упрямым лицом, в штанах до колен и с крепкими икрами, обтянутыми гетрами. Зайдите в любой дом в пяти-шести милях вокруг, и вы увидите такого местного жителя в кресле у круглого столика, украшенного пенной кружкой эля, если сподобитесь застать хозяина дома после обеда. Однако же облик мистера Хитклифа являл резкий контраст окружающим его предметам обихода. Скажем так, что по виду он – настоящий цыган, смуглый и темнолицый, а по одежде и манерам – джентльмен, если можно назвать джентльменом иного сельского сквайра. Одет он небрежно, но не выглядит затрапезно, потому что одежда эта облегает осанистую и стройную фигуру. И еще одно бросается в глаза: он мрачен. Кое-кто мог бы заподозрить его в нелепой гордыне, свойственной выскочкам, но он не таков – я уверен в этом, потому что чувствую в нем родственную душу. Мне кажется, его сдержанность идет от нежелания показывать любые свои чувства, даже взаимную и разделенную привязанность. Он будет и любить, и ненавидеть тайно, он сочтет непростительной дерзостью открытое проявление этих чувств по отношению к себе. Нет, нет, здесь я должен остановиться. Слишком много своих черт я приписываю этому человеку. У мистера Хитклифа могут быть собственные резоны не подавать руки тем, кто слишком навязчиво желал бы с ним познакомиться. Мой же склад характера, я надеюсь, неповторим: не зря моя бедная матушка частенько говаривала, что никогда мне не создать уютного семейного очага. Не далее как этим летом я доказал, что она была права.

Я наслаждался месяцем прекрасной погоды на одном из морских курортов, где мне повстречалась необыкновенно привлекательная юная леди: в моих глазах она была просто богиней до тех пор, пока не обращала на меня внимания. «Любовь моя была нема», но если б глаза мои могли говорить, любой человек отнюдь не семи пядей во лбу понял бы, что я влюблен в милую девушку по уши. И вот наконец, когда она решила, что разгадала мои чувства и принялась бросать мне в ответ самые нежные взгляды, что же сделал ваш покорный слуга? Со стыдом признаюсь, что я спрятался в свою скорлупу, как улитка, становясь все холоднее

³ Традиционные овсяные лепешки в Северной Англии и Шотландии готовились про запас. Лепешки пекли достаточно большого размера, но раскатывали очень тонко. Полусырыми их развешивали, как белье, на специальных шестах или всех подходящих приспособлениях для сушки.

и отдаляясь от предмета своих вздыханий все дальше до тех пор, пока бедняжка не усомнилась в том, правильно ли она поняла меня, и, сгорая со стыда от возможной ошибки, убедила свою мать немедленно покинуть курорт. Из-за такого странного охлаждения чувств я стяжал репутацию бессердечного и расчетливого человека, и только сам я мог судить, насколько она была мною не заслужена.

Я сел у очага с противоположной стороны от хозяина и попытался заполнить повисшее между нами молчание, приласкав мать собачьего семейства, которая по-волчьи подкрадывалась ко мне сзади. Собака щерилась и готова была впитаться мне в ногу своими белыми зубами. На мою ласку она ответила долгим, низким ворчанием.

– Лучше б вы ее не трогали, – в унисон своей псине проворчал мистер Хитклиф, предотвратив ее более опасные действия крепким пинком. – Нечего ее портить. Это вам не комнатная собачка. – Он шагнул к боковой двери и вновь прокричал: «Джозеф!»

Джозеф пробормотал что-то невнятное из глубин погребца, но так и не явился на зов, заставив своего хозяина спуститься к нему. Я остался с глазу на глаз со злобной сукой и парой кудлатых свирепых овчарок, которые ревностно следили за любым моим движением. Мне совсем не хотелось испытать на себе остроту их клыков, поэтому я сидел тихо. Потом, на свою беду решив, что звери не поймут бессловесных насмешек, я принялся подмигивать грозной троице и страшно гримасничать. Одна из моих ужимок настолько взбесила мадам Пойнтершу, что она с яростью кинулась на меня, вознамерившись цапнуть за колено. Я отбросил негодницу и попытался защититься столом. От этих действий затаившаяся свора пришла в движение: полдюжины четвероногих дьяволов всех размеров и возрастов выскочили из своих укрытий и объединились против меня. Особенно привлекательными казались им мои пятки и полы сюртука. Защищаясь по мере сил кочергой от самых крупных противников, я принужден был громко воззвать к обитателям дома, чтобы восстановить мир.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались по лестнице из погребца с огорчительной неспешностью: ни на секунду не убыстрили они свои движения, несмотря на настоящее побоище, разыгравшееся у очага, сопровождавшееся визгом и прыжками своры. К счастью, спасение пришло из кухни. Ядреная бабенка с подоткнутым подолом, засученными рукавами и щеками, горящими от жара кухонного очага, смело ворвалась в самую гущу драки и, размахивая раскаленной сковородкой и ругаясь на чем свет стоит, чудесным образом успокоила разразившуюся бурю. Поле битвы осталось за отважной кухаркой, и только грудь ее вздымалась, подобно морю после шторма, когда наконец-то появился хозяин.

– Что, черт побери, здесь происходит? – спросил он, сверля меня взглядом, который я с трудом мог выносить после столь негостеприимного приема.

– И вы еще, черт побери, спрашиваете?! – взорвался я. – Да в одержимых дьяволом евангельских свиньях⁴ злонравия наверняка было меньше, чем в ваших чудовищах, сэр. С таким же успехом вы могли бросить своего гостя на растерзание тиграм.

– Не трогайте их, и они вас не тронут, – спокойно отвечал Хитклиф, восстанавливая порядок на столе и ставя передо мной бутылку вина. – Собаки *должны* охранять, на то они и собаки. Выпейте-ка лучше вина.

– Нет, благодарю вас.

– Не покусали вас?

– Если б покусали, я бы хорошенько проучил их. Пусть только сунутся... – Хитклиф неожиданно усмехнулся в ответ на мои слова.

⁴ В Евангелии от Матфея описывается эпизод изгнания Иисусом Христом бесов из двух бесноватых. Изгоняемые бесы попросили у Иисуса разрешения переселиться в стадо свиней, пасшихся рядом. «И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде». (Мф. 8:32)

– Да успокойтесь вы, мистер Локвуд, а то сейчас закипите. Подкрепитесь вином, я настаиваю. Гости в этом доме – такая редкость, что ни я, ни мои драгоценные собачки не знают, как их положено принимать. Ваше здоровье, сэр!

«И ваше!» – поклонился я в ответ, понимая, что было бы глупо продолжать дуться из-за недостойного поведения неразумных животных. Кроме того, мне не хотелось давать моему хозяину повод продолжать веселиться за мой счет, раз уж на него напал такой стих. Он, – видимо решив, что негоже обижать выгодного жильца, – заговорил полюбезнее и не так отрывисто, как раньше, перейдя к теме, которая, как он считал, меня заинтересует, и начал вполне здраво рассуждать о хороших и дурных сторонах места моего нынешнего уединения. Разговор он вел вполне разумно, и перед тем, как откланяться, я отважился упомянуть о моем возможном завтрашнем визите. По всему чувствовалось, что Хитклиф не в восторге от этой перспективы. Но я твердо решил: обязательно завтра приду. Удивительно, но по сравнению с этим мрачным типом я сам себе кажусь общительным и дружелюбным.

Глава 2

На следующий день к полудню стало холодно и опустился туман. Я уже почти решил провести остаток дня у камина в кабинете, вместо того, чтобы тащиться по грязным вересковым пустошам на Грозовой Перевал. Но после обеда (а обедаю я здесь между полуднем и часом дня. Моя экономка – почтенная женщина, доставшаяся мне вместе с домом, – не поняла или не захотела понять мою просьбу подавать обед в пять⁵), когда я поднимался по лестнице с намерением предаться послеобеденной лени, в моей комнате обнаружилась служанка, стоявшая на коленях в окружении щеток и ведерок для угля. Девчонка подняла невообразимую пыль, вывалив в камин тлеющие угли. Это зрелище тотчас заставило меня покинуть кабинет. Я взял шляпу и после четырехмильной прогулки оказался у ворот в сад Хитклифа как раз в тот момент, когда с неба начали падать первые пушистые хлопья снега.

Землю на этой продуваемой всеми ветрами вершине холма сковал гололед, а воздух был так холоден, что я задрожал всем телом. Не в силах справиться с цепью на воротах, я перемахнул через них и взбежал вверх к дому по мощенной плитками дорожке между неряшливыми кустами крыжовника. Я тщетно стучал в дверь до тех пор, пока у меня не заболели костяшки пальцев, а собаки внутри не подняли вой.

«Будь проклят этот дом со всеми обитателями! – мысленно выругался я. – В одиночную камеру такую грубую деревенщину надо отправлять. Я бы ни за что не стал держать днем дверь на запоре. Раз они так со мной, то теперь уж я обязательно войду!» Приободрившись от этой мысли, я с новыми силами затряс дверной засов. Из круглого окна амбара показалась кислая физиономия Джозефа.

– Чего вам надобно? Чего стучите? – заорал он. – Тут хозяина нетути. В овчарне он, где ж ему еще быть. Ступайте вкруг амбара, ежели поговорить с ним хотите.

– А что, в доме нет никого, чтобы мне дверь открыть? – в тон ему прокричал я.

– В доме ни души, окромя миссис. А уж она-то вам не откроет, хоть до ночи колотитесь.

– Это почему же? Не мог бы ты доложить ей обо мне, Джозеф?

– Не-а. Я с ней дел не имею, – и голова Джозефа исчезла.

Снег теперь уже валил густыми хлопьями. Я уцепился за дверную ручку, чтобы предпринять еще одну отчаянную попытку, когда во дворе позади меня появился парень без верхней одежды, но с вилами на плече. Он махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Мы прошли через прачечную, миновали мощный участок двора с угольным сараем, колодцем и голубятней и наконец вошли в теплую и уютную залу, где меня принимали вчера. Ее освещал огонь, ярко пылавший в очаге и питаемый углем, торфом и дровами. А рядом со столом, накрытым для обильной вечерней трапезы, сидела та, кого Джозеф назвал «миссис» и о чьем существовании я раньше и не подозревал. Я поклонился, радуясь новому знакомству, и замер, ожидая, когда мне предложат сесть. Она смотрела на меня в упор, откинувшись в кресле и не произнося ни слова.

– Плохая погода нынче, – попробовал я завязать беседу. – Боюсь, миссис Хитклиф, от небрежения ваших слуг дверь немного пострадала. Мне пришлось потрудиться, чтобы быть услышанным.

Ответа не последовало. Я уставился на нее – она на меня. Она глядела холодно и без всякого интереса, но от этого неподвижного взгляда мне стало не по себе.

– Садитесь, – буркнул приведший меня парень. – Хозяин скоро будет.

⁵ До XVII в. в Англии было принято называть полуденный прием пищи, обед – dinner, позже это слово в высших слоях общества стало применяться к более позднему приему пищи или к праздничному застолью. Локвуд не уверен, то ли йоркширская экономка не поняла столичного словоупотребления, то ли не стала менять привычного расписания.

Я подчинился, потом откашлялся и подозвал злодейку поинтершу Юнону. При нашей второй встрече она даже соизволила пошевелить самым кончиком хвоста, признавая во мне знакомяца.

– Красивая собака! – вновь попытался я завязать разговор. – Собираетесь ли продавать щенков, мадам?

– Они не мои, – отвечала хозяйка таким недружелюбным тоном, каким заговорил бы сам Хитклиф.

– Ну, тогда ваши любимцы здесь? – продолжал я, показывая на подстилку в темном углу, где, как мне показалось, лежали котятка.

– Странный выбор любимцев! – был мне презрительный ответ.

Приглядевшись, я понял, что сморозил глупость, потому что в углу были навалены битые кролики. Еще раз откашлявшись, я подвинулся поближе к очагу и вновь повторил свое замечание о плохой погоде этим вечером.

– Так сидели бы дома, – отвечала миссис Хитклиф, вставая и пытаясь дотянуться до двух ярких чайниц на каминной полке высоко над очагом.

Теперь она оказалась на свету, и я смог лучше рассмотреть ее лицо и фигуру. Она была стройной и совсем юной, почти совсем еще девочка, но имеющая восхитительные формы и точеное, нежное личико, очаровательней которого я не встречал, с мелкими чертами и очень белой кожей. Льняные кудри отливали чистым золотом и свободно вились по стройной шее. Глаза ее, если бы смотрели чуть поласковей, сразу брали бы любое сердце в плен. К счастью для моей влюбчивой натуры, единственным их выражением было презрение и какое-то невыразимое отчаянье, какое редко встретишь у молодой девушки. Ей было трудно дотянуться до чайниц, и я сделал движение, чтобы помочь ей. Ответом мне был такой взгляд через плечо, как будто бы я попытался украсть у скупца его сокровище.

– Не нужна мне ваша помощь! – огрызнулась девушка. – Сама справлюсь.

– Прошу меня простить, – поспешил ответить я.

– Вас приглашали к чаю? – резко спросила она, повязывая передник поверх аккуратного черного платья и замерев с ложкой заварки над чайником.

– Я бы с радостью выпил чашечку.

– Вас приглашали? – настойчиво повторила она.

– Нет, – признал я с полуулыбкой. – Но вы можете сделать это прямо сейчас.

Она резко поставила чайницу на место, не потрудившись вытащить ложку, и вновь опустилась в кресло с мрачным видом, наморщив лоб и выпятив нижнюю алую губку, как капризный ребенок.

Меж тем парень накинул на плечи старое пальто и, стоя во весь рост у камина, смотрел на меня искоса и враждебно, словно между нами была давняя и непримиримая распря. Я начал сомневаться в том, слуга ли передо мной. По грубой одежде и речи его никак нельзя было причислить к ровне мистера и миссис Хитклиф. Давно не стриженная буйная шевелюра свободно кудрявилась, щеки заросли бакенбардами, а руки были черны от въевшейся грязи, как у простого работника. Но манеры его были слишком свободными для слуги, даже в чем-то надменными. Не чувствовалось в нем ни почтения, ни услужливости перед хозяйкой дома. Не зная, с кем имею дело, я счел за лучшее не обращать внимания на его странное поведение. Буквально через пять минут приход Хитклифа до некоторой степени освободил меня от моего неопределенного состояния.

– Вот видите, сэр, я пришел, как и обещал, – воскликнул я, стараясь держаться веселого тона, – правда, теперь, боюсь, мне придется просидеть у вас не менее получаса, коли вы дадите мне приют. На улицу совсем не выйти.

– Получаса! – с сомнением покачал головой Хитклиф, скидывая хлопья снега с одежды. – Понесло же вас бродить в самый снегопад. Вы могли просто-напросто заблудиться на болотах.

В такие вечера даже те, кто здесь вырос, могут сбиться с пути. И сейчас нет никаких надежд, что скоро распогодится.

– Может быть, дадите мне провожатого из числа ваших работников, и он заночует в «Скворцах»? Как вы на это смотрите?

– Нет, это исключено.

– Неужели? Ну, тогда мне придется положиться на собственные силы.

Хитклиф с сомнением хмыкнул.

– Так мы будем пить чай? – резко поменял он тему, обращаясь к парню в поношенной куртке, переводя свой недобрый взгляд с меня на молодую леди.

– А он тоже будет? – спросила та у Хитклифа.

– Подавайте же на стол! – Ответ был столь груб, что меня передернуло. Тон, которым были произнесены эти слова, изобличал злой от природы нрав. Мне уже не хотелось называть Хитклифа чудесным человеком. Когда же все приготовления были закончены, от него в качестве приглашения я услышал только: «Придвигайте-ка ваш стул к столу, сэр». Все мы, включая парня, которого я вначале принял за работника, расселись и принялись за чаепитие в ледяном молчании.

Я подумал, что, если неловкость возникла из-за меня, моя первейшая обязанность – постараться ее сгладить. Не может быть, чтобы эти люди каждый день сидели за общим столом в мрачной тишине и чтобы хмурость вовсе не сходила с их лиц.

– Странно, – начал я, быстро выпив первую чашку чая и ожидая вторую, – насколько привычка меняет наши вкусы и мировоззрение. Многие и помыслить себе не могут, что счастье возможно в таком полном удалении от мира, какого придерживаетесь вы, мистер Хитклиф. Здесь, в кругу семьи, с вашей прекрасной половиной, вашим добрым гением, осеняющим ваш дом...

– С прекрасной половиной?! – прервал меня Хитклиф, с почти дьявольской ухмылкой. – Где же вы ее увидели?

– Ну, я имел в виду миссис Хитклиф, вашу жену...

– Вы намекаете на то, что ее дух заделался ангелом-хранителем Грозового Перевала, хоть тело ее покоится и не здесь?

Поняв, что ошибся, я попытался исправить свою оплошность. Я просто должен был увидеть огромную разницу в возрасте между теми, кого я посчитал мужем и женой. Мистеру Хитклифу было около сорока. В этом возрасте мужчины редко тешат себя надеждой на брак с юной девой по любви: это заблуждение, скорее, характерно для тех, кто женится в более преклонном возрасте. Миссис Хитклиф нельзя было дать старше семнадцати лет.

И тут до меня дошло, что сидящий рядом со мной парень – эта неотесанная деревенщина, – с шумом хлебающий чай и ломающий хлеб немытыми руками, – возможно, ее муж, Хитклиф-младший. Вот печальные последствия того, что молодая девушка похоронила себя заживо в сельском захолустье. Она связала себя с этим невежей, даже не представляя, что есть люди и получше! Жаль, ужасно жаль! Увидев меня, она наверняка пожалела о своем выборе. Последняя мысль может показаться читателю немного самонадеянной, но мой сосед по столу казался почти отталкивающим, а сам я – вполне привлекательный джентльмен и знаю это по опыту.

– Миссис Хитклиф – моя невестка, – промолвил Хитклиф, подтверждая мою догадку. С этими словами он повернулся и бросил в сторону девушки взгляд, исполненный самой лютой ненависти. Только так можно было его истолковать, если считать лицо человеческое зеркалом души и не подозревать Хитклифа в том, что он способен обмануть законы природы.

– Ах, тогда понятно. Вы – счастливый обладатель этой доброй феи, – сказал я, обращаясь к своему соседу по столу.

Эта ошибка оказалась хуже прежней. Юнец побагровел и сжал кулаки с такой силой, как будто бы собирался дать им волю. Но он сдержал себя и ограничился грубым ругательством, брошенным явно в мой адрес, которое я предпочел не заметить.

– Не везет вам сегодня с догадками, – заметил мой хозяин. – Ни один из нас не может похвастаться счастьем обладания этой нежной феей. Супруг ее мертв. Я же сказал вам, что она – моя невестка. Нетрудно сообразить, что она вышла замуж за моего сына.

– А этот молодой человек...

– Он мне не сын, это уж точно. – Хитклиф вновь усмехнулся, словно говоря: «И кому это пришлось в голову посчитать этого увальня моей плотью и кровью!»

– Меня зовут Гэртон Эрншо, – прорычал парень, – и советую вам уважать это имя!

– У меня и в мыслях не было выказать вам неуважение, – отвечал я, в глубине души потешаясь над тем, как он раздулся от гордости, назвав себя.

Он уставился на меня и не отводил взгляда, а я совершенно не собирался отвечать ему тем же, так как боялся, что не совладаю с собой и просто надеру ему уши как мальчишке или громко засмеюсь своим мыслям. Да, в этом милом семейном кругу места мне явно не находилось. Гнетущая атмосфера за столом почти свела на нет окружавшее меня тепло жилища и радости трапезы. Я сказал себе, что в третий раз остерегусь оказаться под этим кровом.

Покончив с едой при полном молчании всех присутствующих, я подошел к окну посмотреть, что происходит на улице. Увиденное меня не обрадовало: стемнело раньше обычного, небо и холмы слились в единое целое и растворились в кружении мокрого снега.

– Боюсь, что без провожатого мне домой не добраться, – не смог удержаться я, – дороги наверняка замело. Даже если бы они были расчищены, пройти по ним в темноте никак невозможно.

– Гэртон, загони всех овец под навес у амбара. Животных засыплет снегом, если оставить их на ночь в овчарне. И не забудь выход им загородить, – распорядился Хитклиф.

– Что же мне делать? – бросил я с растущим раздражением.

Ответа я не дождался. Обернувшись, я увидел только Джозефа, который принес ведро овсянки собакам, и миссис Хитклиф, которая развлекалась тем, что зажигала одну за одной и роняла в камин спички из коробка, упавшего вниз, когда она ставила на место чайницу. Старый слуга, поставив ведро, критически оглядел комнату и неодобрительно проскрипел: «И как вы только можете пребывать в праздности, когда все на улицу пошли. От вас вовек помощи не дожидаться. Никогда не сойдете вы со стези греха, так и останетесь под водительством дьявола, как и ваша матушка».

Я было решил, что этот образчик злоязычного красноречия адресован мне, и в ярости подступил к старому негодяю с намерением выкинуть его за дверь, когда услышал голос миссис Хитклиф:

– Ах ты, старый, мерзкий лицемер! Неужели не боишься, что дьявол тебя утащит в ад, коль скоро ты его так часто поминаешь. Предупреждаю, не дразни меня, а то я хорошенько попрошу кое-кого с тобой покончить. Ну-ка, посмотри сюда, Джозеф, – продолжала она, схватив толстенный старый том с полки, – сейчас я тебе покажу, как сильно я продвинулась в искусстве черной магии. Скоро я смогу этот дом от вас от всех очистить. Рыжая корова умерла не случайно, а твой ревматизм тебе не Богом ниспослан.

– Ты грешница, великая грешница! – задохнулся от гнева старик. – Да избавит нас Господь от лукавого!

– А ты – нечестивец, и нет тебе спасения! Сгинь, а не то пожалеешь! Слеплю тебя из воска и глины, как всех вас. Один шаг против меня, и я тебя, я тебя... не скажу, что я с тобой сделаю, но, увидишь, это будет ужасно. Исчезни или придется тебя сглазить!

Юная ведьмочка подпустила в свой взгляд неприкрытой злобы, и Джозеф, трепеща от подлинного ужаса, тут же ретировался, бормоча молитвы и восклицая: «Грешница, великая

грешница!» Я решил, что миссис Хитклиф таким оригинальным образом питает свое чувство юмора, и когда мы остались одни, решился привлечь ее внимание к моему бедственному положению.

– Миссис Хитклиф, – начал я искренне, – прошу простить меня за беспокойство, но я уверен, что леди вашей наружности просто обязана обладать добросердечием. Прошу вас указать мне те приметы, по которым я бы нашел дорогу домой. Я имею не большее представление о том, как добраться до дому, чем вы – как доехать до Лондона.

– Ступайте той дорогой, какой пришли, – отозвалась она, откидываясь в кресле и придвигая свечу, чтобы погрузиться в чтение своего фолианта. – Совет короткий, но самый разумный, какой я только могу дать.

– Значит, если вы узнаете, что мое мертвое тело найдут в болоте или в канаве, запорошенное снегом, ваша совесть не начнет вам нашептывать, что это ваша вина?

– А с чего бы моей совести волноваться? Я вашей провожатой быть не могу. Они не позволят мне дойти даже до стены вокруг сада.

– Боже! – воскликнул я. – Да я даже помыслить не могу не то что взять вас в провожатые, но и попросить выйти за порог в такую ночь. Я только прошу описать мне дорогу домой, а не показывать ее. В противном случае я буду настаивать, чтобы мистер Хитклиф отправил со мной кого-нибудь.

– А кого? Здесь живет только он сам, Эрншо, Зилла, Джозеф и я. Ну, и кто из нас пойдет с вами?

– А нет ли на ферме еще работников?

– Нет. Мы живем здесь одни.

– Ну, тогда получается, что я должен здесь остаться.

– Об этом поговорите с хозяином. Меня это не касается.

– Пусть это будет вам уроком, когда вы в другой раз задумаете шататься по холмам в такую погоду, – раздался суровый голос Хитклифа из кухни. – Насчет того, чтобы заночевать, – знайте, я не держу комнат для гостей. Вам придется разделить постель с Гэртоном или Джозефом, если пожелаете остаться.

– Я могу поспать в кресле здесь, в *зале*, – ответил я.

– Исключено! Посторонний человек – всегда чужак, будь он богат или беден. А чужакам здесь не место, когда меня нет на страже! – заявил этот грубиян.

Последнее оскорбление переполнило чашу моего терпения. С проклятьем я оттолкнул Хитклифа и выскочил во двор, проскочив мимо молодого Эрншо. Было так темно, что я не мог понять, где же выход. Пока я метался по двору, я услышал еще один обмен репликами, который как нельзя лучше показал странные отношения между обитателями этого дома. Вначале молодой человек как будто хотел помочь мне:

– Я дойду с ним до парка, – предложил он.

– Ты с ним дойдешь до ада со всеми чертями! – прорычал его хозяин, или кем он там Эрншо приходился. – А кто за лошадьми присмотрит?

– Жизнь человека стоит дорого, а лошадей на одну ночь можно и без присмотра оставить, – вступилась за меня миссис Хитклиф с большей добротой, чем я ожидал. – Кто-то должен его проводить.

– Но не по вашему приказу! – тут же откликнулся Гэртон. – Ежели вы на него глаз положили, то лучше держитесь от него подальше.

– Ну, тогда его призрак будет вас преследовать до конца дней, – резко ответила она, – а мистер Хитклиф не сможет найти другого такого выгодного жильца, пока усадьба «Скворцы» не превратится в руины.

– Вы только послушайте, эта ведьма их проклиняет, – пробормотал Джозеф, в сторону которого я, оказывается, шел.

Он сидел тут же и доил коров при свете фонаря. Я бесцеремонно схватил этот источник света и со словами, что я завтра пошлю фонарь обратно, бросился к ближайшей задней двери.

– Хозяин, хозяин, он фонарь украл! – завопил старик, кинувшись за мной в погоню. – Кусака, Волчок, ату его, ату! Держите вора, собачки!

Открылась маленькая дверца, и на меня вылетели два мохнатых чудовища, целясь мне прямо в горло. Свирепые псы опрокинули меня на землю. Фонарь погас. Грубый хохот Хитклифа и Гэртона оказался последней каплей в чаше моей ярости и унижения. К счастью, собаки ограничились тем, что стали валять меня по земле, завывая и маша хвостами, и не пытались сожрать живьем. Но подняться они мне не давали, поэтому мне пришлось ждать, пока их повелители не соизволят отозвать своих монстров. Я потерял шляпу и, дрожа от гнева, приказал сейчас же и без всякого промедления выпустить меня за пределы Грозового Перевала, бесвязно грозя, подобно несчастному королю Лиру⁶, обрушить на головы его обитателей неисчислимы кары.

От сильного волнения у меня даже пошла носом кровь, Хитклиф продолжал хохотать, а я продолжал ругаться. Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы поблизости не оказался человек более разумный, чем я, и более милосердный, чем мои мучители. Это была Зилла, дородная экономка, которая наконец-то появилась, привлеченная шумом, и поинтересовалась его причиной. Она явно решила, что кто-то применил ко мне грубую силу, поэтому, не решаясь прямо порицать своего хозяина, повела свою словесную атаку на молодого негодяя.

– Ну что, мистер Эрншо, довольны?! – воскликнула она. – Интересно, чего же еще от вас ждать?! Скоро начнете убивать людей прямо на пороге? Видно, в этом доме мне не ужиться. Посмотрите-ка на этого господина, он сейчас задохнется, так вы из него дух вышибли. Тихо, тихо! – продолжала она, обращаясь ко мне. – Никуда вы в таком виде не пойдете. Ну-ка, заходите внутрь, и я вам помогу. Вот так, хорошо, а теперь стойте спокойно.

С этими словами она внезапно окатила меня ледяной водой и буквально втянула меня в кухню. Хитклиф последовал за нами, причем неожиданная его веселость сменилась обычной хмуростью.

Мне стало нехорошо, закружилась голова и замутило, поэтому я был вынужден остаться на ночлег под этим негостеприимным кровом. Хитклиф распорядился, чтобы Зилла подала мне стакан бренди, и удалился во внутренние комнаты, а кухарка утешила меня, как могла, и, когда мне стало чуть получше, выполняя приказ хозяина, повела меня спать.

⁶ Король Лир – персонаж одноименной пьесы Уильяма Шекспира, опубликованной в 1608 г. Король Лир в момент жестокого разочарования в своих старших дочерях, получивших за удачную лесть наследство, посылает им бессильные проклятья, обращаясь к буре.

Глава 3

Поднимаясь впереди меня по лестнице, Зилла попросила не светить открыто и не шуметь. Она объяснила это тем, что ее хозяин по доброй воле никогда никому не разрешал ночевать в той комнате, куда она меня ведет, и вообще относится к этому помещению как-то по-особому. Я спросил ее о причинах, но она не знала и никогда не спрашивала, потому что жила в этом доме только последние два года, а странностей в нем всегда хватало.

Слишком уставший, чтобы чему-либо изумляться, я запер за собой дверь и оглядел комнату в поисках кровати. Вся обстановка состояла из кресла, бельевого комода и огромного дубового сундука с квадратными прорезями в верхней части, которые напоминали окна кареты. При ближайшем рассмотрении это сооружение оказалось старинной кроватью с неким альковым, позволявшим каждому члену семьи в те далекие времена насладиться уединением во время отхода ко сну и в момент пробуждения. Этот альков был воздвигнут вплотную к окну, подоконник которого служил прикроватным столиком. Я отодвинул створки, закрывавшие вход в альков, забрался внутрь со свечой, прикрыл створки и почувствовал себя защищенным от слишком пристального внимания Хитклифа или любого другого.

На подоконнике, куда я поставил свечу, оказалось несколько заплесневелых книг, сложенных стопкой, а вся крашенная поверхность была испещрена надписями. Оказалось, что надписи эти повторялись и содержали одно только имя большими и маленькими буквами, но в разных вариантах – «Кэтрин ЭРНШО» сменялось здесь и там «Кэтрин ХИТКЛИФ», а затем «Кэтрин ЛИНТОН».

С какой-то странной апатией я прижался лбом к оконному стеклу и как замороженный смотрел на меняющееся имя: Кэтрин Эрншо – Хитклиф – Линтон, пока веки мои не смежились. Но я не проспал и пяти минут, когда на меня из мрака надвинулся вихрь белых букв – вокруг меня кружились бесчисленные Кэтрин. Я проснулся, чтобы сбросить с себя морок привязчивого имени, и обнаружил, что от свечного огарка загорелась одна из старинных книг, а воздух наполнился запахом жженой телячьей кожи. Я потушил свечу и, страдая от холода и непрекращающейся тошноты, сел в постели и раскрыл на коленях пострадавший том. Это оказалась Библия, напечатанная старомодным узким шрифтом, от которой шел ужасный запах плесени. На титульном листе мне удалось различить надпись – «Из книг Кэтрин Эрншо» и дату – примерно четверть столетия тому назад. Я закрыл ее и принялся рассматривать другие тома один за другим. Подбор книг в библиотеке Кэтрин не был случайным, все они были зачитаны, и не только – все свободные места, которые оставил печатник, были исписаны карандашом и пером. Кое-где это были отдельные предложения, а где-то текст казался фрагментами дневника, написанного несформировавшимся детским почерком. В верхней части пустой страницы, которая, должно быть, показала обладательнице книг настоящим сокровищем, я с интересом рассмотрел отличную и совершенно беспощадную карикатуру на моего приятеля Джозефа. Во мне тут же проснулся неподдельный интерес к незнакомой мне Кэтрин, и я принялся расшифровывать выцветшие заметки, сделанные ее нетвердым почерком.

«Ужасное воскресенье! – так начинался следующий абзац. – Хочу, чтобы мой отец снова был со мной. Хиндли – плохая ему замена. Его отношение к Хитклифу отвратительно. Х. и я собираемся взбунтоваться – уже сегодня вечером мы сделали первый шаг на этом пути.

Весь день лил дождь. Мы не могли пойти в церковь, поэтому Джозеф решил прочитать нам проповедь на чердаке. Хиндли с женой остались внизу греться у жарко натопленного очага, и, готова поручиться, в тот вечер они не прочитали ни строчки из Библии. Мне, Хитклифу и несчастному мальчишке-работнику приказано было взять молитвенники и подняться на чердак. Здесь мы, дрожа от холода, со стонами и вздохами уселись рядком на мешок с зерном, ожидая и надеясь, что Джозеф тоже не останется нечувствительным к стуже и хоть немного,

да сократит свою проповедь. Тщетные надежды! Служба продолжалась добрых три часа, а мой брат имел наглость воскликнуть: “Как, вы уже закончили?”, когда мы спустились с чердака. Раньше воскресными вечерами нам разрешали играть, если мы не шумели, а сейчас любого смешка достаточно, чтобы поставить нас в наказание по углам.

– Вы забыли, кто здесь хозяин! – заявил наш тиран. – Я в порошок сотру любого, кто мне хоть слово поперек скажет! Я требую, чтобы в доме было тихо и чтобы дети вели себя прилично! Так, мальчик, ты что, не понял, что я сказал? Фрэнсис, дорогая, а ну-ка задай ему трепку, раз уж ты идешь мимо. Я услышал, как этот маленький негодник хрустел пальцами.

Фрэнсис с радостью выполнила повеление своего супруга, а затем уселась к нему на колени, а потом они целый час целовались и миловались как дети малые, даже смотреть на них неловко было. Мы постарались избежать их внимания, схоронившись в закутке под комодом. Я только успела связать вместе наши передники и повесить ими наше убежище, как из конюшни явился Джозеф. Он сорвал “занавеску”, вlepил мне пощечину и прокаркал: “Хозяина нашего только-только похоронили, день субботний не прошел, слово Божие еще в ушах ваших, а вы тут забавляетесь! Стыд и срам! За стол садитесь, гадкие дети, и почитайте-ка хорошие, благочестивые книжки, чтобы души ваши грешные спаслись!”

С этими словами он заставил нас сесть как можно дальше от живительного тепла очага, туда, где нам едва-едва хватало света, чтобы различать буквы скучнейших книжек, которые он нам всучил. Надолго меня не хватило – я очень скоро зашвырнула свой мерзкий томик за собачью лежанку, а Хитклиф пинком отправил туда же навязанную ему мерзкую книжонку. Что тут началось!

– Хозяин! – завопил наш доморощенный проповедник. – Хозяин, идите скорей сюда! Мисс Кэтрин оторвала обложку от “Оплота спасения”, а Хитклиф осмелился своей подошвой осквернить часть первую “Врат погибели нашей”. Нельзя им это спускать, хозяин, а то и до греха недалеко. Папаша ваш, царствие ему небесное, умел ребятам жару задать, но нет его с нами!

Хиндли поторопился покинуть свой личный рай у очага и, грубо ухватив Хитклифа за воротник, а меня за руку, буквально вышвырнул нас на кухню. Джозеф постарался нас уверить, что “черт за нами, как пить дать, явится”. На кухне каждый из нас забился в свой укромный уголок и принялся ждать его пришествия. Я нашла эту книгу, достала чернильницу с полки и последние минут двадцать пишу эти строки, приоткрыв дверь в залу, чтобы иметь хоть чуть-чуть света. Впрочем, вряд ли я продолжу свое занятие, так как друг мой совсем потерял терпение и подбивает меня забрать плащ нашей доярки и под его покровом отправиться бродить на пустошь. Пожалуй, стоит принять его предложение. Даже если Джозеф нас хватится, он решит, что его пророчество сбылось, а мы даже в дождь не сможем промокнуть и замерзнуть больше, чем здесь, на холодной кухне».

* * *

Думаю, Кэтрин осуществила свой замысел, так как следующая запись уже о другом – похоже, девочку довели до слез.

«Никогда не думала, что Хиндли заставит меня так сильно плакать! – написала она. – Голова моя от слез раскаляется так, что не могу оторвать ее от подушки. Но я не сдамся! Бедный, бедный Хитклиф! Хиндли назвал его бродягой без роду-племени и запретил не только есть с нами за одним столом, но и сидеть с нами рядом. Мне запрещено с ним играть, а если мы нарушим приказ, брат грозит вышвырнуть его из дому. Хиндли обвиняет папу (да как он смеет!) в том, что он избаловал Хитклифа и обещает “поставить парня на место”».

* * *

Я начал задремывать над полустершейся страницей, взгляд перебежал с рукописного текста на печатный. Я увидел выделенный красным цветом заголовок – «Семьюдесятью семь и первый из семьдесят первых. Благодетельные рассуждения Джейбза Брандерхэма в церкви Гиммерден-на-Болотах». И пока я в полудреме ломал голову над тем, что же преподобный Джейбз Брандерхэм хотел сказать в столь затейливо именуемом сочинении, я не заметил, как поудобнее улегся в постели и уснул. Увы, отвратительный чай и отвратительное настроение дали себя знать! Только этим можно объяснить то, что я провел одну из самых ужасных ночей в своей жизни. Воистину, никогда раньше мне не пришлось так страдать.

Похоже, я начал видеть сон еще до того, как утратил представление о том, где я нахожусь. Но в моем сне уже наступило утро, и я отправился домой, сопровождаемый Джозефом. Дорогу полностью засыпал глубокий снег. Пока мы медленно продвигались вперед, мой попутчик изводил меня упреками по поводу какого-то посоха. Я было подумал, что местный обычай требовал перед выходом из дома выпить «на посошок», но когда Джозеф начал хвастливо размахивать тяжелой дубинкой, я понял, что речь идет о «посохе пилигрима». «Все же это странно, – подумалось мне, – неужели мне понадобится столь весомый аргумент, чтобы попасть в собственный дом?» Но тут до меня дошло, что мы идем не домой, а на проповедь Джейбза Брандерхэма. Более того, кто-то из нас – либо я, либо Джозеф – совершил тот самый страшный первый из семьдесят первых грехов и будет публично подвергнут поруганию и отлучению.

Мы подошли к церкви. Наяву я действительно пару раз проходил мимо нее. Она стоит в лощине между двумя холмами и возвышается над верховым болотом, чья торфяная вода, по слухам, бальзамирует тела тех немногих мертвецов, которые покоятся на церковном погосте. Пока что крыша у церкви цела, но поскольку жалование приходского священника – всего лишь двадцать фунтов *per annum*⁷ да домик из двух комнат, такой старый, что в любую минуту может превратиться в однокомнатный, желающих заступить на этот пост нет, особенно в наши дни, когда немногочисленная паства готова скорее смотреть, как их пастырь голодает, чем увеличить его вспомоществование хотя бы на пенни из своих собственных карманов. Однако же в моем сне преподобный Джейбз вещал в заполненной до отказа прихожанами церкви при всем внимании присутствующих. Боже, что это была за проповедь! Она была разделена на *четыре-ста девяносто* частей, каждая из которых по длине равнялась обычному обращению с амвона и была посвящена одному определенному греху! Где преподобный нашел столько прегрешений, для меня осталось тайной, равно как и то, как он их толковал и что приписывал братьям своим. Получалось, что каждый человек постоянно грешит, да так странно, что я никогда и представить себе не мог столь причудливые провинности.

Меня измучила смертельная скука – я боролся со сном всеми силами, зевал, ерзал, клевал носом, и внезапно проснулся! Я щипал и тыкал себя, чтобы не заснуть, тер глаза, вставал и садился, приставал к Джозефу с вопросами, когда же преподобный закончит свои обличения. Я был осужден выслушать всю проповедь целиком – все *четыре-ста девяносто* частей, – когда Джейбз дошел до ПЕРВОГО ИЗ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫХ грехов. В этот момент на меня снизошло вдохновение – захотелось встать и объявить преподобного впадшим в такой грех, за который ни одному христианину никогда не будет даровано прощения.

«Сэр! – воскликнул я. – Сидя здесь, в этих четырех стенах, я единым духом пережил и простил *четыре-ста девяносто* прегрешений, ставших темой вашей затянувшейся проповеди. Семьдесят раз по семь я хватался за шляпу и уже был готов уйти, – и семьдесят раз по семь вы самым невероятным образом заставляли меня сесть на место. Но *четыре-ста девяносто* – это

⁷ Ежегодно (лат.).

уже слишком. Слушайте же меня, товарищи по несчастью! Это он во всем виноват! Стащите его с кафедры, обратите его в прах, чтобы там, где был он известен, о нем позабыли, как если бы его никогда и не было».

– ТЫ И ЕСТЬ САМЫЙ ВЕЛИКИЙ ГРЕШНИК! – возгласил Джейбз, выдержав торжественную паузу и перегнувшись вперед с амвона. – Семьдесят раз по семь отверзал ты рот свой в мерзкой зевоте, и семьдесят раз по семь прощал я тебя, говоря себе: «Прости его, Господи, ибо подвержен он слабости человеческой!» Но вот явился первый из семидесяти первых. Братья мои, вершите над ним ваш праведный суд по всей строгости, и да пребудет с Вами благословенье Божие!

После этих слов все члены паствы, как один человек, схватились за посохи и стеной пошли на меня. Не имея собственного оружия для защиты, я попытался обезоружить Джозефа, ближайшего ко мне и самого заклятого моего гонителя, чтобы завладеть его посохом. В общей неразберихе несколько дубинок скрестились, а удары, предназначенные мне, пали на другие головы. Тотчас же вся церковь наполнилась невообразимым треском дерева – кто-то бил, кто-то парировал удары, каждый ополчился на соседа своего, а преподобный Брандерхэм, не желая оставаться в стороне, излил свой пыл в методичном стуке по крышке кафедры, да таком гулком, что он в конце концов – к моему несказанному облегчению – разбудил меня. Так что же произвело столь невыразимый грохот? Что стучало наяву вместо преподобного Джейбза моего сна? Оказалось, что это всего лишь разлапистая ветвь ели, которая скребла по оконному переплету и стучала своими сухими высохшими ветвями-пальцами по стеклу. Я прислушивался с недоверием к этому звуку всего мгновение, а затем повернулся на другой бок и вновь забылся, но на этот раз мне приснился еще более ужасный сон, если только такое возможно представить!

Теперь я лежал под дубовым альковым, а за окном завывал ветер, крутя и бросая снежные вихри. Я вновь услышал, как ветвь ели скребет в стекло, и во сне, как и наяву, правильно понял причину этого неприятного звука. Однако в этот раз он настолько сильно действовал мне на нервы, что я решился встать и открыть окно. Крючок плотно вошел в скобу и не поддавался – это я заметил, еще когда бодрствовал, но потом забыл. «Я все равно должен прекратить этот скрип!» – подумалось мне. Я так сильно стукнул костяшками пальцев по стеклу, что оно осыпалось. Я вытянул руку наружу, чтобы схватить докучливую ветвь, но вместо нее пальцы мои сомкнулись вокруг маленькой, холодной как лед ручки! Дикий ужас кошмара объял меня. Я попытался втянуть свою руку обратно, но призрачные пальцы впились в нее, а нежный жалобный голос произнес с мольбой: «Впустите меня, впустите меня». «Кто вы?» – спросил я, пытаясь одновременно освободиться от страшного пожатия. «Кэтрин Линтон, – прошелестел голос (и почему только мне пришла на ум фамилия ЛИНТОН? Ведь гораздо чаще мне встречалась надпись Кэтрин ЭРНШО!) – Мне нужно вернуться домой! Я заблудилась на болоте...» Как только прозвучали эти слова, я увидел в окне детское лицо. Страх сделал меня жестоким, и я, не в силах стряхнуть захват призрачных пальцев, потянул на себя всю руку и попытался освободиться, резанув запястье призрака о край разбитого оконного стекла. Кровь хлынула потоком и залила простыни на кровати. «Впусти меня!» – несмотря ни на что стенал призрак, не ослабляя хватки и повергая меня этим в полный ужас. «Как же мне впустить тебя? – промолвил я наконец. – Сначала ты отпусти меня, если хочешь, чтобы я открыл окно». Пальцы разжались, я втянул свою руку внутрь, торопливо завалил разбитое окно стопкой старинных фолиантов, а затем зажал уши, чтобы не слышать более жалобных просьб привидения. Мне показалось, что примерно на четверть часа я смог заглушить их, но как только я прислушался, то вновь услышал полный печали стон. «Сгинь! – вскричал я. – Я никогда не впущу тебя, проси хоть двадцать лет». «А я и прошу уже двадцать лет, – прошелестел голос. – Целых двадцать лет не могу попасть домой». Оконная рама затряслась, стопка книг подвинулась и наклонилась, как будто кто-то толкал ее снаружи. Я попытался встать на ноги, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. И тогда я закричал в приступе неистового страха. К смятению моему, крик

мой прозвучал не во сне, а наяву. К двери комнаты приблизились торопливые шаги, кто-то бесцеремонно распахнул дверь, и я увидел свет в окнах алькова. Я сидел в постели, сотрясаясь от дрожи и отирая пот со лба. Вошедший, казалось, заколебался и начал что-то бормотать, как будто говорил сам с собой. Наконец я услышал тихий вопрос, произнесенный почти шепотом, как будто бы говоривший особо не надеялся на ответ: «Есть здесь кто-нибудь?» Я почел за благо обнаружить свое присутствие, потому что узнал голос Хитклифа и испугался, что он может начать обыскивать комнату, если я буду сидеть тихо. С этим намерением я распахнул створки алькова. Не скоро я забуду, какие последствия возымели мои действия.

Хитклиф стоял у входа в комнату в рубашке и панталонах. В руке он зажал свечу, и воск свободно капал на пальцы. Лицо его было столь же белым, как и стена за ним. При первом скрипе дубовой створки он замер как громом пораженный, потом уронил свечу, которая покатилась в сторону. Он был в таком волнении, что с трудом мог ее найти и поднять.

– Это всего лишь ваш гость, сэр! – громко заговорил я, желая избежать зрелища его дальнейшего унижения. – Я имел несчастье закричать во сне: мне кошмар приснился. Простите, что побеспокоил вас.

– Да будьте вы прокляты, мистер Локвуд! Чтоб вас... – Он не закончил фразы, прилепляя свечу на ручку кресла, потому что просто не мог держать ее прямо. – Ну и кто пустил вас в эту комнату? – Задавая свой вопрос, он пришел в дикое возбуждение, ногти его буквально впились в ладони, и он так стиснул зубы, чтобы избежать дрожи челюстей, что они скрипнули: – Признавайтесь, кто это был?! Я сейчас же вышвырну этого наглеца из дома!

– Это была ваша служанка Зилла, – заговорил я, выскочив из постели и поспешно одеваясь. – Делайте с ней что хотите, я вас только поддержу. Сдается мне, поместив меня сюда, она попыталась за мой счет получить еще одно доказательство того, что место это нечистое. Нечистое – еще мягко сказано. Да тут просто кишат привидения и чудовища! Вы правильно сделали, что закрыли эту комнату. Никто не поблагодарит вас за ночлег в этом прибежище нечистой силы.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Хитклиф. – Зачем вы одеваетесь? Ложитесь и засыпайте, раз уж вы здесь, но только больше, Бога ради, не кричите так, как будто вам сейчас глотку перережут.

– Если бы эта маленькая леди-призрак все-таки влезла в окно, она бы меня точно задушила, – возразил я. – Я сыт по горло гостеприимством ваших славных предков. Небось, преподобный Джейбз Брандерхэм был вам родственником по матушке? А Кэтрин Линтон или Эрншо, как там ее звали, – та еще штучка, – верно, эльфы ее вам в семью подкинули⁸, не иначе! Она мне сама сказала, что уже двадцать лет бродит по земле, не ведая покоя, – достойное наказание за ее грехи!

Едва эти слова сорвались с моих губ, я тут же вспомнил связь имен Хитклифа и Кэтрин в книге. Мое ужасное пробуждение совершенно изгладило из моей памяти эту немаловажную деталь. Я покраснел от собственной неосмотрительности, но тут же попытался загладить оговорку, торопливо добавив: «По правде говоря, сэр, первую часть ночи я провел...» Тут я вновь вынужден был замолчать, потому что чуть не сказал «просматривая старые книги», что открыло бы мое знание не только их печатного текста, но и рукописных пометок. Я тут же поправился: «Читая имена, нацарапанные на подоконнике. Знаете, пришлось прибегнуть к такому монотонному занятию, чтобы поскорей уснуть. Некоторые предпочитают считать слонов или...»

⁸ Одно из самых распространенных народных верований о духах, подменяющих детей, в английском фольклоре связано с эльфами. «Подменыши», по поверью, – маленькие смуглые создания.

«Да как вы смеете так говорить со МНОЙ, да еще в моем собственном доме!» – взревел Хитклиф в дикой ярости. А потом забормотал: «Великий Боже, он с ума сошел, он просто рехнулся, не мог он этого видеть!» – и в гневе ударил себя кулаком по лбу.

Я не знал, возмутиться ли его грубыми словами или пуститься в дальнейшие объяснения, но он казался почти безумным от волнения, и я сжалился и рассказал ему свой сон, настаивая, что никогда раньше я не слышал имя «Кэтрин Линтон», но прочитал его так много раз, что оно проникло в мое освобожденное сном воображение в зримом образе. Хитклиф все больше откидывался в тень, отбрасываемую пологом кровати, по мере моего рассказа, пока совсем не скрылся за ним, однако по его неровному и прерывистому дыханию я понял, что он изо всех сил борется с наплывом чувств. Не желая показать, что я вижу его терзания, я с нарочитым шумом завершил свой туалет, взглянул на часы и пожаловался на чересчур затянувшуюся ночь: «Еще нет и трех! А я был готов поклясться, что уже шесть. Время здесь как будто остановилось – ведь мы отошли ко сну часов в восемь».

– Зимой мы всегда ложимся в девять, а в четыре уже на ногах, – промолвил мой хозяин, сдерживая стон и, как мне показалось по движению его руки, украдкой отирая слезу. – Мистер Локвуд, вы можете пойти ко мне в комнату. Если вы спуститесь вниз так рано, то будете только всем мешать, а ваш крик, достойный малюго ребенка, начисто лишил меня сна.

– И меня тоже, – запальчиво отвечал я. – Лучше я погуляю во дворе, пока не рассветет, а затем тотчас отправлюсь домой. Не бойтесь повторения моего вторжения – я полностью излечился от того, чтобы искать общества, будь то в городе или в деревне. Разумному человеку достаточно общества его самого.

– Воистину достойное решение! – ядовито промолвил Хитклиф. – Так берите свечи и отправляйтесь, куда хотите. Я выйду отсюда сразу же вслед за вами. Правда, во двор не ходите – собаки спущены с цепи; в залу тоже не суйтесь – там на страже Юнона. Значит, вам остается только слоняться по коридорам и ходить вверх-вниз по лестницам. Ну же, идите! Я присоединюсь к вам через пару минут.

Я подчинился – то есть вышел из комнаты – но, не зная, куда ведут многочисленные коридоры, я замер и случайно стал свидетелем того, что мой хозяин, несмотря на свое обычное здравомыслие и приземленность, поддался самому что ни на есть суеверию. Он бросился на постель, распахнул окно и, задыхаясь от слез, которые ручьем текли по его лицу, вскричал: «Входи, входи же! Кэти, прошу тебя! Еще ОДИН раз, пожалуйста! Побудь со мной, милая, хотя бы сегодня. Наконец-то услышь меня, любовь моя!» Однако призрак показал все непостоянство, свойственное этим потусторонним созданиям, и не явился. Только ветер со снегом ворвались в спальню, почти достигнув того места, где стоял я, погасив свечу.

В этом бреду чувствовалась такая боль, такое горе, что я совсем не обратил внимания на всю нелепость подобного поведения. Я ретировался, наполовину сердясь на себя, что подслушал эти чудные речи, наполовину досадуя, что вообще рассказал свой кошмар, ставший причиной терзаний, хотя ПОЧЕМУ это произошло, так и осталось для меня загадкой. Я осторожно спустился на первый этаж и укрылся в кухне, где от горы красных углей в очаге мне удалось зажечь свечу. Ничто не нарушало мой покой, за исключением серой полосатой кошки, которая выползла из-за золы и приветствовала меня сварливым мяуканьем.

Две полукруглые скамьи почти полностью окружали очаг, и я растянулся на одной, а старая кошка – на другой. Мы оба дремали в уединении, когда на кухню по деревянной лестнице, исчезавшей под крышей, снизошел Джозеф, покинувший, видимо, свое помещение на чердаке. Он бросил неодобрительный взгляд на крохотное пламя, которое я развел у края очага, сбросил кошку со скамейки и опустился на освободившееся место, немедленно приступив к набииванию табаком своей трехдюймовой трубки. Мое присутствие в его святой святых было столь возмутительным проступком, что Джозеф даже не удосужился выразить свое негодование. Он молча сунул трубку в рот, скрестил руки и принялся пускать дым кольцами. Я не стал отры-

вать его от любимого занятия, и после того, как Джозеф выпустил последнее колечко дыма, он тяжело вздохнул, поднялся и удалился так же торжественно, как и появился.

Затем послышались более упругие шаги: я только-только открыл рот, чтобы сказать «доброе утро», как тут же закрыл его снова, так как в кухне появился Гэртон Эрншо, который возносил свою утреннюю молитву весьма своеобразно: *sotto voce*⁹ посылая к черту каждую вещь, до которой дотрагивался, пока искал в углу лопату, чтобы расчистить дорожки от снега. Он заглянул за спинку скамьи, раздувая ноздри и не собираясь обмениваться любезностями ни со мной, ни с моей подругой-кошкой. По тому, как молодой Эрншо готовился к дневным трудам, я понял, что выйти из дома можно, и, поднявшись со своего жесткого временного ложа, сделал движение, чтобы последовать за ним. Заметив это, Эрншо ткнул черенком лопаты в сторону одной из дверей, ведущих в залу, и что-то проворчал, недвусмысленно указывая, куда я должен идти, если желаю сменить место.

Я вошел в залу, где уже суетились женщины: Зилла изо всех сил раздувала огонь в очаге гигантскими мехами, а миссис Хитклиф, опустившись на колени у огня, читала книгу в неверном свете пламени. Она рукой защищалась от жара камина и казалась полностью поглощенной своим занятием, прервавшись только для того, чтобы отругать служанку, осыпавшую ее искрами, да оттолкнуть собаку, слишком навязчиво тыкавшуюся ей носом в лицо в приступе любвеобильности. К моему удивлению, Хитклиф тоже был в зале. Он стоял у камина спиной ко мне и заканчивал отчитывать бедную Зиллу, которая то и дело прерывала свой труд и утирала передником лицо, чтобы сдержать негодующий стон.

– А ты, ни на что не годная... – переключился он на свою невестку именно в тот момент, когда я вошел, и, употребив слово не более оскорбительное, чем «овечка» или «курочка», но обычно заменяемое на письме многоточием. – Опять ты бездельничаешь! Остальные хотя бы зарабатывают свой хлеб, ты же подвизаешься здесь исключительно по моей милости! Убери эту дрянную книгу и займись наконец делом. Ты заплатишь мне за наказание постоянно видеть тебя здесь – слышала, негодница?!

– Я уберу свою дрянную книгу, но только потому, что вы можете меня силой заставить это сделать, если я откажусь, – заявила молодая леди, захлопывая старинный фолиант и швыряя его в кресло, – но я ничего не сделаю сверх того, что мне угодно, а вы можете хоть изругаться!

Хитклиф поднял руку, и говорившая тут же отскочила в сторону, будучи, несомненно, знакома с ее тяжестью. Не имея ни малейшего желания присутствовать при семейной сваре, я обнаружил свое присутствие, подойдя к очагу и сделав вид, что хочу насладиться его теплом и понятия не имею о завязавшейся ссоре. Ее участники проявили достаточно приличия, чтобы не дать ей разгореться. Хитклиф засунул судорожно сжатые кулаки в карманы, дабы не поддаваться искушению пустить их в ход, а миссис Хитклиф с презрительной гримасой на лице заняла свое место как можно дальше от всех и сдержала слово, не выйдя из неподвижности и не заговорив ни с кем вплоть до самого окончания моего пребывания в этом доме. Впрочем, я здесь не задержался. Я отказался от приглашения к завтраку и при первых рассветных лучах солнца поспешил выбраться на свежий воздух, который теперь был чист, неподвижен и холоден, как невидимый лед.

Когда я уже достиг выхода из сада, меня остановил окрик моего хозяина, который предложил проводить меня через пустоши. Это предложение пришлось как нельзя кстати, поскольку склоны холмов после снегопада казались замерзшими волнами белого океана, чьи гребни и промежутки между ними совершенно не соответствовали подъемам и снижениям поверхности земли. Во всяком случае, многие лощины были полностью засыпаны снегом, а кучи отработанного материала из каменоломен, которые я запомнил по своей вчерашней прогулке, оказались полностью стертными с мысленно составленной мной карты местности. Вчера я обратил

⁹ Вполголоса (*итал., муз.*).

внимание на то, что по одной стороне дороги с промежутком в шесть-семь ярдов через все открытые места были поставлены каменные столбы, выбеленные сверху известью, чтобы служить путеводными вехами в темноте или в пору такого, как сегодня, снегопада, который маскирует глубокую трясину по обеим сторонам тропы, но сегодня любые следы их существования, за исключением пары грязных точек на поверхности белого океана, исчезли. К счастью, мой угрюмый попутчик криками предупреждал меня о необходимости свернуть направо или налево, когда мне казалось, что я точно следую всем поворотам дороги.

Мы почти не разговаривали в пути, и на границе усадебного парка он покинул меня, пробормотав, что дальше я не заблужусь. Мы торопливо раскланялись, и я пустился в дальнейший путь, рассчитывая исключительно на собственные силы, поскольку сторожка привратника парка до сих пор необитаема. Расстояние от ворот парка до усадьбы – две мили, но мне показалось, что для меня они вылились в верные четыре, пока я плутал среди деревьев, проваливаясь в снег чуть ли не по шею. Оценить всю тяжесть такого пути может только тот, кто испытал такое на собственной шкуре. Как бы то ни было, часы в доме пробили полдень, когда я после всех мучений оказался дома – значит ровно по часу на каждую милю от Грозового Перевала тащился я в этот раз дольше обычного.

Моя экономка и прочая прислуга радостно и бурно кинулись навстречу, бессвязно восклицая, что уже не чаяли увидеть меня живым после того, как я так и не вернулся прошлой ночью. Они были уверены в моей гибели в снежную выюгу и уже волновались о том, как им снаряжать партию на поиски моих бранных останков. Я попросил свою челядь успокоиться и замолчать, раз уж я дома, и, продрогший до костей, потащился наверх, где наконец-то переоделся в сухое и с полчаса ходил взад-вперед, пытаясь согреться. Потом я уединился в кабинете, слабый как новорожденный младенец и несчастный настолько, что меня не радовало даже тепло очага и аромат горячего кофе, приготовленного служанками для подкрепления моих угасающих сил.

Глава 4

Воистину, люди в своем непостоянстве подобны флюгерам! Я, тот, кто еще вчера поклялся держаться подальше от любого общества и благодарил небо за то, что сподобился оказаться в глуши, где общение с себе подобными почти невозможно, – проявил слабость и, промучившись от тоски и одиночества до темноты, был принужден капитулировать. Под предлогом получения сведений о заведенных в доме порядках я попросил миссис Дин, когда она принесла ужин, составить мне компанию, пока я ем, искренне надеясь на то, что она окажется кладезем сельских новостей и либо не даст мне спать красочным пересказом местных сплетен, либо, наоборот, навевает на меня сон своим разговором.

– Вы ведь давно здесь живете? – начал я. – Вроде, вы говорили, что целых шестнадцать лет?

– Восемнадцать, сэр. Я сюда приехала с молодой хозяйкой, когда она замуж вышла, горничной ее была. А как она померла, хозяин поставил меня здесь экономкой.

– Неужели?

Последовала неловкая пауза. Миссис Дин явно не была сплетницей либо готова была говорить только о своих делах, что меня не слишком-то интересовало. Но тут ее румяное лицо подернулось дымкой воспоминаний, и, посидев с минуту в задумчивости, уперев кулаки в колени, она вдруг проговорила:

– Ну, времена-то сейчас совсем не те, что раньше!

– Да, – с готовностью подхватил я, – вам, наверное, довелось увидеть немало перемен?

– Да уж навидалась, – и к лучшему, и к худшему...

«Дай-ка я для начала переведу разговор на семью моего хозяина», – решил я. Очень уж мне хотелось узнать историю красивой девочки-вдовы. Кто она – здешняя или, что более вероятно, уроженка других, экзотических краев, которую *indigenae*¹⁰ никогда не признают своей. Поэтому я сразу задал вопрос, почему мистер Хитклиф предпочитает сдавать усадьбу «Скворцы», а сам ютится на Грозовом Перевале. «Неужели у него нет денег, чтобы лучше содержать все свои поместья?» – спросил я.

– Денег у него, сэр, несчитано, – отвечала моя экономка. – Никто не знает, сколько у него их, и каждый год его богатство только прирастает. Конечно, он может себе позволить жить в лучшем доме, чем его нынешнее обиталище, но он, я бы сказала, прижимист. Может, он и хотел переселиться в усадьбу «Скворцы», но как услышал, что есть выгодный жилец, так и остался на месте. Не может он упустить возможность заработать пару сотен. Даже не верится, что люди могут быть такими скаредными, когда у них никого близких нет и состояние оставить некому.

– У него вроде бы сын был?

– Был. Только помер.

– А молодая леди, миссис Хитклиф, она – вдова этого умершего сына?

– Верно.

– А она откуда родом?

– Неужто вы не знаете, сэр? Она же дочка моего покойного хозяина. А девичья фамилия у нее – Линтон, Кэтрин Линтон. Я ее, бедняжку, вырастила с пеленок. Хотелось бы мне, чтобы мистер Хитклиф переехал сюда, и тогда мы опять с ней будем вместе.

– Что? Кэтрин Линтон? – вскричал я в изумлении. Но после минутного размышления я понял, что эта девушка не могла быть призрачной Кэтрин из моего сна. – Значит, до меня здесь в усадьбе Линтоны жили?

– Ну да, сэр.

¹⁰ Коренные жители (*лат.*).

– А кто же тогда такой этот Гэртон Эрншо, который обитает у мистера Хитклифа? Они родственники?

– Нет, он племянник покойной миссис Линтон.

– Так он кузен молодой леди?

– Ваша правда, сэр. И муж ей тоже приходился двоюродным братом: то есть, один по материнской линии, один – по отцовской. Мистер Хитклиф был женат на сестре мистера Эрншо.

– Я видел на фасаде Грозowego Перевала вырезано «Эрншо» над главным входом. Так это старинный род?

– Очень старинный, сэр. Гэртон – последний по этой линии, как мисс Кэти – последняя из нас, то есть я хотела сказать, из Линтонов. Так вы на Грозовом Перевале были? Могу ли я спросить, сэр, как там Кэти?

– Миссис Хитклиф? О, она выглядит вполне здоровой, она красива, но, мне кажется, не очень счастлива.

– Боже мой, не удивительно! А как вам хозяин?

– Тяжелый он человек, миссис Дин. Или я не прав?

– Точно, сэр. Он тяжелый, что твой мельничный жернов, и зубья у него, как у пилы. Чем меньше вы с ним дело будете иметь, тем лучше для вас, сэр.

– Видно, в жизни у него были и взлеты, и падения, раз он стал таким нелюдимым и грубым. Знаете что-нибудь о нем?

– Да уж как не знать. Он ведь найденыш, сэр. Так что кто его родители и откуда у него потом завелись денежки, – про то мне неизвестно. А Гэртон он как птичку ощипал! Бедный парень один во всем приходе не догадывается, как его провели!

– Что ж, миссис Дин, вы меня очень обяжете, если расскажете побольше о моих соседях, а то я не усну от любопытства. Прошу вас, посидите со мной, и мы поболтаем немного.

– Конечно, сэр. Только возьму свое питье, и поговорим, сколько пожелаете, сэр. Но вы, должно быть, простыли. Вижу, озноб вас так и колотит. Надо дать вам горячего отвара, чтобы прогнать лихорадку.

Добрая женщина отправилась хлопотать о моем питье, а я скорчился у камина. Голова моя горела, а тело сковал холод. И еще меня охватило какое-то дьявольское возбуждение, от которого нервы вибрировали, а мозг буквально кипел. Я понял, что бурные события вчера и сегодня могут иметь для меня очень серьезные последствия, и страшусь этих последствий до сих пор. Скоро вернулась моя домоправительница с дымящейся чашкой отвара и корзиной со своим рукодельем. Поставив отвар на особую полку в камине, чтобы он не остыл, она подвинула поближе свое кресло и начала рассказ, явно радуясь моему интересу.

– До того, как приехать сюда, – прямо перешла она к делу без дальнейших приглашений и околичностей, – я почти все время прожила на Грозовом Перевале, потому что матушка моя вырастила мистера Хиндли Эрншо, отца Гэртон. А я, когда была маленькая, всегда играла с детьми. Я была настоящей девочкой на побегушках – и на сенокосе, и на ферме помогала. Однажды прекрасным летним утром – было самое начало жатвы, как сейчас помню, – спускается мистер Эрншо, старый хозяин, одетый в дорогу, наказывает Джозефу, что нужно за день сделать, поворачивается к Хиндли, к Кэти и ко мне – а я вместе с ними сидела, мы овсянку ели – и говорит, обращаясь к сыну: «Что ж, молодой человек, я сегодня в Ливерпуль отправляюсь, что тебе привезти? Выбирай, что хочешь, только не очень большое, потому как я туда и обратно пешком пойду, а это – путь неблизкий, по шестьдесят миль в каждую сторону!» Хиндли попросил скрипочку. А потом хозяин спросил мисс Кэти, – ей только-только шесть лет исполнилось, но она уже могла проехать на любой лошади из конюшни, – она попросила хлыстик. Хозяин и меня не забыл, потому что сердце у него было доброе, хотя временами он и бывал суров. Он обещал мне яблок и груш, поцеловал сына и дочку, попрощался и был таков.

Время для всех нас тогда тянулось медленно во все три дня его отсутствия, а маленькая Кэти часто спрашивала, когда же папа вернется. Миссис Эрншо ждала его на третий день к ужину, поэтому за стол не садились, но хозяина все не было, и дети устали постоянно бегать к воротам и высматривать его на дороге. Потом стемнело. Хозяйка хотела детей спать уложить, но они плакали и просили позволения остаться и подождать папу. Около одиннадцати вечера наконец-то загремел дверной засов и хозяин вошел в дом. Он рухнул в кресло, смеясь и охая, и попросил дать ему минутку передышки, потому что по дороге его чуть не убили, и хоть озолотите его, он в большой город больше ни ногой.

– И я едва не погиб под конец пути от усталости! – воскликнул он, раскрывая плащ, который он нес свернутым в руках. – Смотри, милая женушка, никогда в жизни так не изматывался, пока дотащил его, но, чувствует мое сердце, нам он ниспослан свыше. Прими его, хоть он и черен, как дьяволово отродье.

Мы столпились вокруг, и через голову мисс Кэти мне удалось увидеть грязного, оборванного черноволосого ребенка, который уже по возрасту должен был уметь ходить и говорить. Внешне он казался даже старше Кэти, но когда его поставили на ноги, ребенок только озирался вокруг и бормотал что-то на своем, никому не понятном языке. Я испугалась, а миссис Эрншо была готова выставить его за дверь. Она набросилась на мужа, спрашивая, зачем он приволок в дом цыганского оборвыша, когда у него есть собственные дети, которых нужно кормить и содержать? Рехнулся он, что ли, совсем, и что он думает делать с этим ребенком? Хозяин попытался объяснить, что произошло, но он действительно был едва жив от усталости. Вот что удалось мне понять среди криков хозяйки: мистер Эрншо наткнулся на улице в Ливерпуле на умирающего с голоду бездомного мальчишку, от которого слова нельзя было добиться. Хозяин подобрал ребенка и стал расспрашивать, чей он. Ни одна живая душа этого не знала, поэтому мистер Эрншо, чье время и деньги были весьма ограничены, решил взять малыша домой. Он не хотел тратиться впустую на поиски, потому что сразу понял, что не бросит найденыша. Хозяйка еще немного поворчала и успокоилась, а мистер Эрншо велел мне искупать мальчика, дать ему чистое белье и уложить спать вместе с детьми.

Хиндли и Кэти только смотрели и слушали до тех пор, пока взрослые не успокоились, а потом полезли к отцу в карманы в поисках обещанных подарков. Хиндли было в то время уже четырнадцать лет, но, когда он вытащил из отцовского плаща обломки того, что было совсем недавно скрипкой, он не мог удержаться от громких рыданий. Кэти же, когда узнала, что купленный для нее хлыстик хозяин потерял, пока возился с найденышем, дала волю своему негодованию, скорчив презрительную гримасу и плюнув на мальчишку. За это она схлопотала от отца крепкий подзатыльник, который должен был научить ее хорошим манерам. Дети наотрез отказались пустить маленького бродяжку не то что в свои кровати, но даже в детскую, а я имела глупость согласиться с ними, поэтому выставила его на лестницу, надеясь, что к утру он уберется сам. Однако случайно ли или услышав голос мистера Эрншо, малыш прокрался к двери мистера Эрншо, где и был найден утром хозяином. Мистер Эрншо учинил целое расследование, и я была вынуждена сознаться в том, что отправила ребенка ночевать на лестницу. В наказание за трусость и жестокосердие меня услали из дома.

Вот так он вступил в семью. Когда через несколько дней я вернулась в дом (потому как не считала, что отправлена в изгнание навечно), то оказалось, что найденыша окрестили Хитклиффом. Так звали сына мистера и миссис Эрншо, который умер во младенчестве. И с тех пор это имя стало парню еще и фамилией. За время моего отсутствия Хитклифф и мисс Кэти стали неразлей вода, однако Хиндли по-прежнему ненавидел его, и, сказать вам по правде, я тоже. Мы его всячески изводили и гнобили, потому что я была глупа и не понимала, что поступаю плохо. Хозяйка же никогда за Хитклиффа не заступалась, даже если видела, что его обижают зря.

Найденыш безропотно сносил все притеснения, потому что, как видно, привык к плохому обращению. Бывало, Хиндли его лупит, а он даже слезинки не проронит, а в ответ на мои

щипки и тычки малец замирал, затаив дыхание и широко открыв глаза, как будто бы сам поранился и винить в этом некого. Старого Эрншо просто бесила такая покорность, когда открылось, что его сын третирует «бедного сиротку», как он называл Хитклифа. Хозяин до странности привязался к Хитклифу, верил всему, что тот говорил (а ябедой Хитклифа назвать было никак нельзя, потому как он о многом умалчивал, а уж если и говорил – то чистую правду). Мистер Эрншо даже был с ним более ласков, чем с Кэти, которая была слишком озорной и взбалмошной, чтобы стать любимицей в семье.

Вот и получается, что с самого начала найденыш стал причиной разлада под нашим мирным кровом. Когда миссис Эрншо умерла (а она и двух лет не прожила с тех пор), стало только хуже: молодой Эрншо возомнил родного отца семейным тираном, а Хитклифа – вором и проходимцем, укравшим причитающиеся Хиндли по праву рождения любовь и привилегии. С годами обида молодого Эрншо только усугубилась и, признаюсь, я некоторое время симпатизировала ему. Но когда дети заболели корью и на мои плечи разом упали все женские заботы по их уходу, отношение мое поменялось. Хитклиф захворал очень тяжело, и когда он был совсем плох, то не отпускал меня от своей постели ни на шаг. Он чувствовал, как много я делаю для него, но не догадывался, что я только выполняю свои обязанности, и не более того. Впрочем, положила руку на сердце, заявляю: он был самым спокойным малышом, которого только мне приходилось выхаживать. Разница между ним и другими детьми заставила меня отбросить предубеждение. Кэти и ее братец мне буквально покоя не давали, а Хитклиф был безропотен, как ягненок. Хотя терпение его шло не от природной кротости характера, а от неуступчивости.

Он поправился и, по словам врача, во многом благодаря моей заботе. Похвалы доктора мне польстили и заставили смягчиться по отношению к тому, кто стал их причиной. Так Хиндли потерял свою последнюю союзницу в борьбе с найденышем. Все же настоящей нежностью к Хитклифу я так и не прониклась и не могла понять, что же мой хозяин нашел хорошего в угрюмом мальчишке, который, если мне не изменяет память, ни разу не оплатил своему приемному отцу хотя бы намеком на благодарность. Хитклиф не был груб или враждебен к своему благодетелю, а только бесчувственен, хотя и знал, что завладел сердцем хозяина настолько, что потрудись он раскрыть рот, весь дом плясал бы под его дудку. Помню, мистер Эрншо на местной ярмарке купил мальчишкам двух жеребят и каждому предложил выбрать по жеребенку. Хитклиф выбрал того, что покрасивей, но его конек скоро захромал, и, обнаружив это, Хитклиф тут же заявил Хиндли: «Ты должен поменяться со мной лошадаками. Мне моя не нравится! А если ты откажешься, то я расскажу твоему отцу, что на этой неделе ты трижды поколотил меня, и еще покажу ему свою руку, которая от синяков до самого плеча почернела». В ответ Хиндли показал ему язык и двинул в ухо. «Меняйся сейчас же! – только и прокричал в ответ Хитклиф, отбегая к выходу на двор (разговор происходил в конюшне). – Тебе не отвертеться! Стоит мне только заикнуться об этих побоях, и ты получишь их назад с процентами!» – «Пошел вон, собака!» – заорал Хиндли, схватившись за железную гирию, которой взвешивали картошку и сено. «Бросай! – заявил Хитклиф, замерев на месте. – А я расскажу, как ты хватался выкинуть меня за порог, как только хозяин умрет, и мы посмотрим, кого выкинут первым». Хиндли метнул гирию, и она ударила Хитклифа прямо в грудь. Мальчишка упал, но тут же, шатаясь, поднялся, задохнувшись и побелев лицом. Только мое вмешательство не позволило Хитклифу напрямик отправиться к хозяину и отомстить обидчику в полной мере. Один его вид говорил сам за себя, а уж Хитклиф не стал бы скрывать, кто его так отделал. «Забери моего жеребчика, проклятое цыганское отродье, и катись к черту!» – в досаде воскликнул молодой Эрншо. «А я буду молить Господа, чтобы ты сломал шею, объезжая его. Бери, и будь ты проклят, нищий проходимец! Наверное, надо, чтобы ты обманом лишил моего отца всего, и только тогда у него откроются глаза, кого он пригрел на груди, дьявольское отродье! Хватай моего коняшку, и пусть он тебе мозги вышибет!»

Хитклиф, как ни в чем не бывало, отвязал жеребенка и повел его к себе в стойло. Но стоило ему оказаться чуть сзади лошади, как Эрншо привел свою угрозу в исполнение, толкнув Хитклифа прямо под копыта. После этого молодой хозяин сбежал со всех ног, даже не взглянув, исполнился ли его зловещий замысел. Я поразились спокойствию Хитклифа. Он просто поднялся на ноги и продолжил начатое: поменял жеребчикам седла и прочую упряжь, присел на кучу сена, чтобы прийти в себя от страшного удара гирей в грудь, а затем пошел в дом. Он легко позволил мне возложить всю вину за его повреждения на лошадь. Мне показалось, что ему вообще все равно, какую сказку я придумаю, коль скоро он добился желаемого. Хитклиф жаловался настолько редко, что я решила, что он не мстителен по натуре. Сейчас я расскажу вам, как же сильно я ошибалась.

Глава 5

Время шло, и мистер Эрншо начал сдавать. Он – всегда здоровый и бодрый – вдруг почувствовал такой упадок сил, что почти не покидал уголок у камина. От этого характер его очень испортился. Любой пустяк выводил его из себя, а сама мысль о том, что его авторитет кто-то оспаривает, вызывала у него страшные приступы раздражения. Особенно это проявлялось тогда, когда кто-нибудь пытался сказать хоть слово против его любимца – маленького Хитклифа. В этих случаях старый Эрншо просто впадал в бешенство. Он вбил себе в голову, что из-за его любви к найденьшу все остальные ненавидят мальчика и пытаются его обидеть. Хитклифа это чрезмерное обожание окончательно испортило: те из нас, кто был подороже, не хотели раздражать хозяина и потакали его привязанности, питая гордыню и черные стороны натуры его любимца. Но как нам было поступить иначе, если пару раз открытое презрение, с которым Хиндли в присутствии своего отца обращался с Хитклифом, приводило старика в ярость? Он хватался за палку, чтобы ударить сына, и трясся от бессилья и гнева, потому что тело не слушалось его.

Наконец наш викарий (а у нас тогда был викарий, который жил тем, что учил маленьких Линтонов и Эрншо и сам обрабатывал свой клочок земли) посоветовал отправить молодого человека в колледж. Мистер Эрншо согласился, но скрепя сердце, заявив: «Хиндли – пустая душа и никогда не преуспеет в жизни, чем бы он ни занимался!»

Я от всей души надеялась, что после отъезда Хиндли у нас в доме наконец-то воцарится мир. Ведь получалось, что хозяин пострадал от своего же добросердечия, а семейные распри только усугубили тот гнет, который наложили на него старость и болезни. Так, во всяком случае, мне казалось. На деле же старый Эрншо просто угасал. Впрочем, с учетом всех наших обстоятельств мы могли бы теперь жить в относительном покое, если бы не два человека – мисс Кэти и слуга Джозеф. Вы его наверняка видели на Грозовом Перевале. Он был и, верно, остается по сию пору самым занудным и самодовольным ханжой из тех, кто копается в Библии, чтобы найти благость для себя и проклятье для ближних своих. Он так поднаторел в чтении проповедей и показном благочестии, что сумел произвести впечатление на мистера Эрншо. Чем больше расстраивалось здоровье хозяина, тем большим влиянием пользовался Джозеф. Он неустанно внушал старику, что тот должен позаботиться о своей душе и руководить детьми со всей строгостью. Именно Джозеф заставил его взглянуть на Хиндли – своего собственного сына – как на беспутного и никчемного юнца и каждый вечер отравлял сознание хозяина наговорами на Хитклифа и Кэтрин, да так хитро, что умудрялся учечь слабость Эрншо и возложить основную вину на нашу маленькую мисс.

Справедливости ради должна сказать, что мисс Кэти была самым упрямым и своевольным ребенком из тех, с кем мне приходилось до этого сталкиваться. По пятьдесят раз за день она выводила нас из себя. С той минуты, когда она утром спускалась вниз, и до того, как ложилась спать, у нас не было ни единой минуты покоя, потому что мисс Кэти всегда была готова на любую шалость. Чувства всегда переполняли ее, а язычок молот не переставая – она пела, смеялась и докучала каждому, кто не разделял ее веселья. От этой девочки можно было ожидать самой дикой выходки – но у нее были самые красивые глазки, самая нежная улыбка и самая легкая поступь во всем приходе. В конце концов, она озорничала не со зла: бывало, доведет тебя до слез, а потом еще и всплакнет вместе с тобой и не отступится, пока ты сама не начнешь ее утешать. И еще она была слишком привязана к Хитклифу. Самым страшным наказанием для нее было, когда их разлучали. Но и доставалось ей из-за Хитклифа больше всех нас. В играх она не просто всегда стремилась верховодить, но и давала волю рукам. Со мной она тоже попробовала тычки и окрики, но я сразу дала понять, что со мной такое не пройдет.

Что касается мистера Эрншо, то он своим детям никакой слабости не давал, а их шуток не понимал. Кэтрин же никак не могла взять в толк, почему отец в болезни гораздо более нетерпим и резок, чем во здравии, а его сварливые нравоучения лишь будили в ней дух противоречия. Ничто не нравилось ей больше, чем отражать наши общие упреки дерзким взглядом и острым словом, высмеивая религиозный пыл Джозефа, поддразнивая меня и заставляя своего отца поверить в то, что причиняло ему самую сильную боль – что малейшая ее напускная прихоть значит для Хитклифа больше, чем его подлинная доброта, что приемный готов тотчас выполнить любое ее пожелание, тогда как просьбы приемного отца встречали его отклик, только когда соответствовали его собственным намерениям. Иногда, измучив нас за день своим поведением, она пыталась подольститься вечером к отцу, но он с неизменной суровостью отвечал: «Нет, Кэти, не могу я тебя любить! Ты хуже своего брата! Ступай и помолись, чтобы Господь даровал тебе прощение, а нам с твоей покойной матерью остается только пожалеть, что мы тебя вскормили!»

Сперва Кэти от этих слов плакала, а потом сама очерствела сердцем и только смеялась, когда я посылала ее попросить прощение за свое недостойное поведение.

Но настал тот час, когда земные скорби и печали перестали волновать мистера Эрншо. Он тихо скончался в своем кресле у камина октябрьским вечером, когда осенний ветер разгулялся вовсю и страшно выл в трубе. Несмотря на бурю, в *зале* было тепло, и все домочадцы собрались там вместе. Я сидела немного поодаль от очага за рукодельем, Джозеф читал свою Библию за столом (слугам у нас разрешали сидеть в *зале*, когда их работа была закончена). Мисс Кэти нездоровилось, поэтому она против обыкновения тихонько примостилась у ног своего отца, а Хитклиф лежал на полу, уронив голову ей на колени. Я помню, как хозяин, перед тем как впасть в забытие, нежно погладил костлявой рукой ее чудесные волосы. Ему редко доводилось видеть ее такой послушной, и он проговорил: «Ну почему ты не можешь всегда быть хорошей девочкой, Кэти?» Дочь посмотрела на отца снизу вверх, засмеялась и ответила: «А почему ты не можешь сам всегда быть хорошим, папа?» Увидев, что он опять помрачнел, Кэти поцеловала ему руку, словно извиняясь, и пообещала спеть песню, чтобы он быстрее заснул. Она начала тихонько напевать и продолжала до тех пор, пока его рука не выскользнула из ее пальцев, а голова не склонилась на грудь. Я велела ей замолчать и не шевелиться, чтобы не разбудить старика. Мы все сидели тихо как мышки не менее получаса и просидели бы дольше, если бы не Джозеф. Наш любитель порядка встал из-за стола и заявил, что он должен разбудить хозяина для молитвы и отхода ко сну. Он окликнул старика и дотронулся до его плеча, однако мистер Эрншо не пошевелился. Тогда Джозеф взял свечу и склонился к нему. Когда он выпрямился и снова поставил свечу на стол, я поняла, что стряслась беда. Взяв обоих детей за руки, я прошептала, чтобы они быстренько поднимались, уходили, не шумели и помолитесь сегодня вечером сами, потому что у Джозефа другие дела.

– Я должна пожелать папе спокойной ночи! – заявила Кэти, обвивая руками шею отца прежде, чем мы смогли ее остановить. Бедняжка сразу поняла свою утрату и закричала: «Он мертв, Хитклиф! Он мертв!» Из уст их обоих раздался рвущий сердце крик.

Я тоже громко и горько заплакала вместе с детьми, но Джозеф напустился на нас, заявив, что негодже так убиваться по святому, который уже на небесах. Он велел мне накинуть плащ и бежать в Гиммертон за доктором и священником. Я не понимала, для чего понадобились тот и другой, но тут же отправилась за ними сквозь ветер и дождь, а вернулась только с лекарем. Священник сказал, что придет утром. Оставив Джорджа объясняться с врачом, я кинулась в детскую. Дверь была нараспашку, Кэти и Хитклиф и не думали ложиться, хотя было уже далеко за полночь, но они выглядели гораздо более спокойными и не нуждались в моем утешении. Они сами утешали друг друга намного лучше, чем это сделала бы я: ни один священник в мире не нарисовал бы такую прекрасную и трогательную картину рая, как это сделали невинные

дети. Я слушала их и плакала, потому что вдруг поняла, что желаю нам всем скорее оказаться в этом безопасном прибежище.

Глава 6

Мистер Хиндли вернулся домой на похороны отца и, – что поразило нас и дало пищу пересудам соседей, – привез с собой жену. Кто она такая и откуда родом, нам не говорили. Наверное, у нее не было ни приданого, ни имени, иначе бы он не стал скрывать свой брак от отца.

Жена мистера Хиндли не была из тех, кто пытается все переделать в доме, в который она вступает. Едва переступив порог, она не уставала восхищаться всем увиденным, за исключением приготовлений к похоронам и присутствия людей в трауре. Я решила по ее поведению на церемонии прощания с покойным, что она немного не в своем уме, ведь она убежала в свою комнату и заставила меня пойти с ней, хотя я должна была одевать детей. Там она и просидела, дрожа, ломая руки и беспрестанно повторяя: «Они уже ушли?» Потом она в каком-то нездоровом умоисступлении попыталась объяснить, что боится черного цвета. Ее трясло с ног до головы, и, наконец, она расплакалась, а когда я стала допытываться причин, то отвечала, что боится умереть! Мне показалось, что у нее шансов умереть не больше, чем у меня. Правда, она была тонкая, хрупкая, но юная, с ярким цветом лица и глазами, которые сверкали, как бриллианты. Нельзя было не заметить, что от любого подъема по лестнице у нее перехватывало дыхание, а от любого резкого звука – бросало в дрожь. И еще она иногда долго и мучительно кашляла. Но я тогда не знала, что означают эти тревожные признаки, и совсем ее не жалела. Знаете, мистер Локвуд, мы в наших краях не очень-то жалуем чужаков, если только они первые не сделают шаг навстречу.

Молодой Эрншо тоже сильно переменялся за три года своего отсутствия. Он пополнел, побледнел лицом, стал одеваться и говорить по-новому. В первый же день он приказал нам с Джозефом сидеть на кухне, а *залу* оставить ему. Сначала он хотел устроить гостиную в маленькой свободной комнате, где собирался постелить ковры и обить стены, но его жене так понравился светлый пол и огромный пылающий камин в *зале*, оловянная посуда, дельфтский фаянс, даже загон для собак, и еще внушительные размеры той части комнаты, где они обычно сидели, что он полностью отказался от своего намерения, чтобы во всем угодить жене.

Она же была сама не своя от радости, что нашла среди своих новых родственников сестру, постоянно щебетала с Кэти, целовала ее, никуда не отпускала от себя, заваливала подарками, но это продолжалось недолго. Скоро симпатия молодой жены Эрншо иссякла, а стоило ей выразить неудовольствие хоть чем-то, в Хиндли просыпался тиран. Пара резких слов жены о Хитклифе, и Хиндли вспомнил всю свою ненависть к парню. Хитклиф тут же был отправлен к слугам, его урокам с викарием пришел конец. Вместо этого мальчика отослали на ферму, причем Хиндли особенно настаивал, чтобы ему давали самую черную работу.

Вначале Хитклиф довольно легко перенес ту немилость, в которую он впал, потому что Кэти обучала его всему, чему ее учили, вместе с ним работала и играла в полях. Они обещали вырасти настоящими дикарями, так как молодой хозяин не обращал внимания на их воспитание и поступки, если они не попадались ему на глаза. Он даже не знал, ходят ли дети в церковь по воскресеньям, пока Джозеф или викарий не приходили с жалобами на их отсутствие и не укоряли его за небрежение. Тогда он приказывал высечь Хитклифа и оставлял Кэтрин без обеда или ужина. Но, несмотря на наказания, для них было самым милым делом сбежать с утра на вересковые пустоши и пропадать там целый день. Следовавшее же за этим наказание казалось им пустяком. Священник мог задавать Кэтрин выучить наизусть сколько угодно стихов из Библии, а Джозеф – лупить Хитклифа, пока у него не заболит рука: дети забывали обо всем на свете, как только оказывались вместе и начинали придумывать новую проказу, чтобы отомстить своим обидчикам. Сколько раз я тайно страдала от того, что они с каждым днем становятся все отчаяннее и безрассуднее, но я боялась даже слово им сказать поперек,

чтобы не потерять ту малую власть, которую имела над этими одинокими сердцами. Однажды воскресным вечером детей выгнали из гостиной, потому что они шумели или еще из-за какой-то столь же ничтожной провинности, а когда я пошла звать их к ужину, они исчезли. Мы обыскали весь дом сверху донизу, двор и конюшни, но их нигде не было. Наконец Хиндли в порыве гнева велел нам закрыть двери и ворота на засовы и заставил нас поклясться, что этой ночью никто из нас их не впустит. Все в доме улеглись спать, но я так волновалась за ребят, что не могла уснуть. Я распахнула окно в своей мансарде и высунулась на улицу, прислушиваясь, несмотря на то, что лил дождь. Я решила впустить Кэтрин и Хитклифа, несмотря на запрет, если они вернуться. Через некоторое время до меня донесся звук шагов на дороге, а у ворот забрезжил свет фонаря. Я накинула платок и кинулась вниз, чтобы дети не разбудили мистера Эрншо своим стуком. За воротами стоял только Хитклиф. Я чуть в обморок не упала, увидев, что он один.

– Где мисс Кэтрин? – закричала я. – Надеюсь, с ней ничего не случилось?

– Она в усадьбе «Скворцы», – отвечал Хитклиф, – и я был бы не прочь там остаться, если бы у них хватило вежливости меня пригласить.

– Ты сам спрашиваешься на неприятности! – воскликнула я. – Не успокойсь, пока не сделаешь по-своему. Во имя всего святого, что заставило вас шататься вокруг усадьбы «Скворцы»?

– Дай мне снять мокрую одежду, и я тебе все расскажу, Нелли, – отвечал он.

Я предупредила, чтобы он не разбудил хозяина, и пока Хитклиф раздевался, а я ждала, чтобы затушить свечу, он продолжил свой рассказ:

– Мы с Кэтрин сбежали через прачечную, чтобы побродить на воле. Мы увидели огни усадьбы «Скворцы» и решили пойти и взглянуть своими глазами, как проводят молодые Линтоны воскресный вечер. Наверное, подумалось нам, они в наказание отправлены в холодный угол, когда их отец с матерью пьют-едят, поют и смеются у теплого камина, любясь на яркие угли. Как ты думаешь, Нелли? Или их собственный слуга читает им занудные проповеди, спрашивает катехизис¹¹, а потом заставляет учить столбцами имена из Библии, если они ответили неправильно?

– Думаю, что нет, – отвечала я. – Линтоны – хорошие дети и не заслуживают тех наказаний, которые вы получаете за свое дурное поведение.

– Ох, Нелли, только ты не начинай! Все это чушь! Лучше слушай дальше: мы пробежали вниз с самой высокой точки Перевала прямо в парк без остановки. Кэтрин совсем сбила себе ноги, потому что была босиком. Завтра тебе придется поискать ее ботинки в болоте. Мы пробрались через пролом в изгороди, прокрались по дорожке и спрятались на клумбе под окном гостиной. Оттуда падал свет: они не закрыли ставни и только наполовину задернули занавески. Мы оба смогли заглянуть внутрь, стоя на высоком фундаменте и схватившись за подоконник, и мы увидели – ах, это было так красиво – роскошную комнату с малиновым ковром, стульями с малиновой обивкой, столами, накрытыми малиновыми скатертями, белейший потолок с золотой окантовкой, из центра которого спускался водопад стеклянных подвесок на серебряных цепях, мягко отливающих в пламени свечей. Старого мистера Линтона и его жены в гостиной не было – комната была в полном распоряжении Эдгара и его сестры. Эти дети должны были быть на седьмом небе от счастья, разве нет? Мы бы с Кэтрин точно были. А теперь догадайся, что вытворяли эти примерные ребяташки? Изабелла, – кажется, ей одиннадцать лет, и она всего лишь на год младше Кэтрин, – лежала на полу в дальнем конце гостиной и вопила так, как будто бы целый полк ведьм загонял ей под ногти раскаленные иголки. Эдгар стоял у камина

¹¹ Катехизис (от др. – греч. «поучение, наставление») – официальный вероисповедный документ какой-либо конфессии, книга, содержащая основные положения христианского, в данном случае, вероучения. Катехизис или Закон Божий часто изложен в виде вопросов и ответов.

и беззвучно плакал. В середине комнаты трясла лапками и поскуливала маленькая собачка. Из взаимных обвинений брата и сестры мы поняли, что они чуть не разорвали собачку напополам, таща каждый в свою сторону. Вот дураки! Что за радость ругаться за честь подержать на руках копну теплого меха! А потом оба заплакали, потому что после яростной борьбы за обладание собачкой каждый из них отказался ее взять. Ну и посмеялись мы над этими неженками! Как же мы с Кэтрин их презирали в эту минуту! Вспомни-ка, когда ты видела, чтобы я пытался у Кэтрин отобрать то, что мне вдруг приглянулось? Или чтобы мы, оставшись вдвоем, стали бы развлекаться истерическими криками и катаньем по полу в разных концах комнаты? Да я ни за какие коврижки не променял бы мое теперешнее положение на жизнь Эдгара Линтона в усадьбе «Скворцы» – даже если бы получил право сбросить Джорджа с самого высокого шпиля и покрасить фасад кровью Хиндли!

– Тише, тише! – прервала я. – Ты так и не объяснил мне, Хитклиф, как ты мог оставить Кэтрин в усадьбе?

– Я же сказал тебе, что мы смеялись. Маленькие Линтоны услышали нас и, не сговариваясь, метнулись к двери и запричитали: «Мамочка, папочка, идите скорей сюда! Нам страшно!» Вот такую чушь они несли! Мы подняли еще больший шум, чтобы пуще напугать этих нытиков, а потом соскочили с подоконника, потому что кто-то загремел запорами и мы поняли, что это идут по нашу душу. Надо было уносить ноги! Я держал Кэти за руку и тащил за собой, когда она вдруг упала и не смогла подняться. «Беги, Хитклиф, беги! – прошептала она. – Они спустили бульдога, и он держит меня». Проклятый пес впился ей в лодыжку – я слышал его мерзкое сопение. Она даже не вскрикнула – Кэти сочла бы ниже своего достоинства завизжать, даже если бы ее подняла на рога бешеная корова. Но я-то не промолчал: я разразился такими проклятьями, которые могли бы испепелить всех врагов рода человеческого вдоль и поперек в христианском мире! Я схватил камень, пропихнул его псу между сомкнутыми челюстями и попробовал засунуть его дальше в глотку, чтобы он разжал хватку. Наконец явился слуга – грубый мужлан – с фонарем и сразу заголосил: «Держи крепче, Злыдень, держи крепче!» Однако, когда увидел добычу Злыдня, он тут же сменил тон. Бульдога оттащили, чуть придушив, так, что его огромный сизый язык на полфута высунулся из пасти, а с брылей закапала кровавая пена. Слуга поднял Кэти на руки: она потеряла сознание, но, я уверен, не от страха, а от боли. Он внес ее в дом, а я пошел за ними, бормоча проклятья и грозясь отомстить. «Что за добыча, Роберт?» – крикнул Линтон с порога. «Наш Злыдень поймал маленькую девочку, сэр», – отвечал слуга. «А с ней оказался еще и парень, – добавил он, хватая меня за плечо, – по всему видно, отъявленный негодяй, хоть и мал по возрасту! Наверное, грабители посадили их в окно, чтобы эти бесенята открыли им двери, когда мы все уснем, и они с легкостью нас перебили. Придержи язык, мерзкий воришка! Ты за это на виселицу отправишься! Мистер Линтон, сэр, стойте, где стоите, только из рук ружье не выпускайте». «Ни в коем случае, Роберт! – заявил старый болван. – Видно, разбойники знали, что вчера я собрал плату с арендаторов. Вздумали меня обчистить! Ну, ничего, я им подготовлю достойную встречу. Джон, дверь – на засов, Злыдня – на цепь. Дженни, дай псу воды! Надо же, что придумали – напасть на мирового судью в его же собственном доме, да еще и в день отдохновения. Нет предела их дерзости! Мэри, дорогая, взгляни сюда, не бойся! Это всего лишь мальчишка – но у него на лице написана его низменная натура. Для страны будет благодеянием вздернуть его прямо сейчас, пока его преступные наклонности не раскрылись в полной мере!» Он грубо вытащил меня на свет, а миссис Линтон водрузила на нос очки и в ужасе всплеснула руками. Трусливые дети меж тем подкрались поближе, и Изабелла прошептала: «Какой он страшный! Папочка, запири его в погребе. Он – вылитый сын гадалки, который украл моего ручного фазана. Правда, папа?»

Пока они меня разглядывали, Кэти пришла в себя, услышала последнюю фразу и рассмеялась. Эдгар Линтон присмотрелся к ней внимательнее и наконец сподобился узнать ее. Они видели нас в церкви, больше-то негде.

– Похоже, это мисс Эрншо! – прошептал он на ухо матери. – Смотри, как Злыдень ее покусал, – у нее кровь из ноги течет!

– Мисс Эрншо? Ерунда! – отвечала хозяйка. – Станет мисс Эрншо бегать по округе с цыганенком. Однако взгляни, дорогой, девочка и вправду в трауре. Значит, это точно мисс Эрншо, ведь у нее недавно умер отец. И она может остаться хромой на всю жизнь.

– Ее брат заслуживает самого строгого порицания за такое отношение к сестре! – воскликнул мистер Линтон, переводя взгляд с меня на Кэтрин. – Как говорит Шилдерс (так звали нашего vicar, сэр), Эрншо позволяет девочке расти совершеннейшей язычницей. А кто это с ней? Где она нашла такого неподобающего спутника? О, я, кажется, узнал его! Это – странное приобретение моего покойного соседа во время его поездки в Ливерпуль. Наверное, получился от какого-нибудь грязного матроса-индийца либо от американского или испанского проходимца.

– В любом случае, это очень дурной мальчишка! – заметила старая дама. – И ему не место в приличном доме! Линтон, ты слышал, как он выражается? Совсем негоже моим детям такое слушать!

Я снова начал ругаться – не сердись, Нелли, – и Роберту приказали меня вышвырнуть. Я отказался уйти без Кэти, но слуга вытащил меня в сад, сунул в руку фонарь, пообещал, что мистер Эрншо узнает о моем поведении, и, велев сей же час убираться, вновь запер дверь. Занавеси на окне гостиной с одной стороны не были задернуты до конца, и я опять забрался на подоконник, чтобы подсмотреть, что будет дальше. Ведь если бы Кэтрин захотела вернуться, я бы бил и бил их шикарные окна одно за другим на миллион осколков каждое, пока ее не отпустили бы! Но Кэти спокойно сидела на диване. Миссис Линтон сняла с нее серый плащ, который мы позаимствовали у доярки для нашей прогулки, качая головой и, видимо, отчитывая ее за неподобающий наряд, – Кэти была для них молодой леди, поэтому они обращались с ней совсем по-иному, чем со мной. Потом горничная принесла таз с теплой водой и принялась мыть Кэти ноги, а мистер Линтон смешал ей стаканчик ароматного глинтвейна. Изабелла высыпала ей на колени тарелку печенья, а Эдгар стоял в отдалении и тарасил глаза. Потом они высушили и расчесали ее прекрасные волосы, надели ей огромные мягкие туфли и подкатали ее на кресле к камину. Когда я уходил, она совсем освоилась и развеселилась, деля свое угощение между маленькой собачкой и Злыднем, и даже чесала своему обидчику нос, пока пес ел. Ей удалось чудо: зажечь ответный огонек в пустых голубых глазах семейки Линтонов – жалкий отблеск ее собственного волшебного пламени. Я видел, что Кэти просто покорила этих глупцов. Ведь она неизмеримо выше их, выше всех на свете – правда, Нелли?

– Нынче ты так легко не отделаешься, как ты думаешь, – предупредила я, накрывая его одеялом и гася свечу. – Ты несправим, Хитклиф. Вот увидишь, мистер Хиндли в этот раз пойдет на крайние меры.

Мои слова оказались пророческими даже в большей степени, чем я ожидала. Это злополучное приключение привело Эрншо в ярость. А на следующий день мистер Линтон, в знак примирения, самолично пожаловал к нам и прочел нашему молодому хозяину целую нотацию. Выходило, что молодой хозяин ведет свою семью по кривой дорожке. Мистеру Хиндли волея-неволей пришлось оглядеться вокруг себя. Хитклифа не выпороли, но сказали, что, если он только попробует заговорить с мисс Кэтрин, его тут же выгонят вон. Миссис Эрншо вознамерилась держать сестру своего мужа на отдалении от Хитклифа, когда та вернется домой, но делать это хитростью, а не силой, потому что силой она бы точно ничего не добила.

Глава 7

Кэти оставалась в усадьбе «Скворцы» целых пять недель – до самого Рождества. За это время ее лодыжка совсем зажила, а манеры заметно улучшились. Наша молодая хозяйка часто навещала ее там, чтобы исподволь попытаться ее перевоспитать. Она постаралась поднять самолюбие девочки шикарными нарядами и лестью, и эти семена упали на благодатную почву. И вот вместо маленькой растрепанной дикарки без шляпы, которая врывалась в дом и тотчас кидалась обнимать всех нас, с хорошенького черного пони сошла юная леди, чьи каштановые кудри изящно выбивались из-под бобровой шапочки с пером. Двумя руками она поддерживала длинную теплую амазонку, чтобы не просто войти, а торжественно «вплыть» под родной кров. Хиндли помог ей спешиться, радостно восклицая: «Ай да Кэти! Какая ты стала красивая! Я бы тебя не узнал – настоящая благородная дама! Да Изабелла Линтон ей в подметки не годится, правда, Фрэнсис?».

– У Изабеллы нет таких природных данных, – отвечала его жена, – однако Кэти должна помнить, как себя вести, чтобы вновь не впасть в дикость. Эллен, помоги мисс Кэтрин с ее вещами! Стой спокойно, дорогая, иначе ты растреплешь свои локоны. Дай-ка я помогу тебе со шляпкой...

Я сняла с девочки амазонку, и под ней оказалось пышное сборчатое платье из яркого шелка, белоснежные панталоны и до блеска начищенные туфельки. Глаза Кэти радостно засверкали, когда верные собаки в знак приветствия запрыгали вокруг нее, но она не решилась их погладить из страха, что они запачкают ее роскошные одежды. Она осторожно поцеловала меня: я была вся в муке, потому что пекла рождественский пирог, и обнимать меня не следовало. А потом она стала оглядываться вокруг, ища Хитклифа. Мистер и миссис Эрншо решили проследить, как пройдет их встреча, чтобы понять, есть ли надежда разлучить двух друзей.

Сначала Хитклифа не могли найти. Если и до отсутствия Кэтрин о нем никто особо не заботился, то сейчас на него совсем махнули рукой. Никто, кроме меня, даже не удосужился назвать его грязным мальчишкой и потребовать, чтобы он мылся хоть раз в неделю, а дети в его возрасте редко имеют природную склонность к мылу и воде. Словом, если даже не говорить о его одежде, которая за три месяца бессменной носки собрала на себя всю возможную пыль и грязь, его густые волосы порядком спутались, а лицо и руки были сильно измазаны. Он был настолько смущен, когда в дом вошла элегантная и изящная девушка, а не простоволосая подруга по прежним играм, которую он так ждал, что притаился за диваном.

– Где же Хитклиф? – с требовательными нотками в голосе спросила Кэти, стягивая перчатки и демонстрируя пальчики, чудесным образом побелевшие от праздности и сидения в четырех стенах.

– Хитклиф, можешь подойти! – распорядился мистер Эрншо, заранее предвкушая, каким неуклюжим и непрезентабельным предстанет мальчик перед своей подругой. – Ты можешь поздравить мисс Кэтрин с приездом, как другие слуги.

Кэти, завидев своего друга в его убежище, кинулась его обнимать. Она от души расцеловала его, а потом отстранилась, оглядела его с ног до головы и разразилась смехом, восклицая: «Ой, какой ты чумазый и недовольный, просто бука! Ты такой... такой смешной! И кажешься хмурым... Но это оттого, что я привыкла к Эдгару и Изабелле Линтонам. Ну что с тобой, Хитклиф, неужели ты забыл меня?»

У нее были причины задать этот вопрос, потому что от стыда и гордости лицо его потемнело, а сам он окаменел в неподвижности.

– Пожмите же друг другу руки, Хитклиф, – снисходительно бросил мистер Эрншо, – ради такого случая я разрешаю.

– И не подумаю, – отвечал мальчик, избавившийся наконец от своей немоты, – не хочу, чтобы надо мной смеялись. Я не потерплю этого!

Он попытался вырваться из обступившего его круга, но мисс Кэти перехватила его.

– Я не собиралась над тобой смеяться, – начала оправдываться она, – просто не смогла удержаться. Ну же, Хитклиф, пожми наконец мне руку! Из-за чего ты вздумал дуться? Ты же действительно на себя не похож. Вот умоешься и причешешься, и будет совсем хорошо. Ты сейчас такой грязный.

Она с опаской поглядела на его темные пальцы, которые она сжимала в своих, а потом перевела взгляд на платье. Она боялась, что ее наряд запачкался от этих прикосновений.

– Не надо было тебе до меня дотрагиваться! – отвечал Хитклиф, проследив за направлением ее взгляда и отдернув руку. – Буду ходить таким грязным, как мне вздумается. Мне нравится быть грязным, и я буду грязным!

С этими словами он бросился вон из комнаты под смех хозяина и хозяйки и к вящему огорчению Кэтрин, которая никак не могла взять в толк, почему ее слова вызвали такую бурю темных чувств в душе ее друга.

Выполнив обязанности горничной для вернувшейся Кэти, я поставила печься пироги, зажгла веселый огонь в очаге на кухне и в камине в *зале*, как подобает в Сочельник¹², и приготовилась отдохнуть и развлечься в одиночестве пением рождественских гимнов¹³. Я твердо решила не обращать внимания на слова Джозефа о том, что мелодии их неподобающе мирские, потому что радостные. Джозеф пошел к себе, чтобы предаться одиноким молитвам, а мистер и миссис Эрншо развлекали Кэти показом очаровательных безделушек, которые они купили, чтобы она вручила их молодым Линтонам в благодарность за их доброту. Мои хозяйка пригласили Эдгара и Изабеллу провести весь завтрашний день на Грозовом Перевале, и приглашение было принято, но с одним условием – миссис Линтон умоляла не подпускать к ее нежным деткам «гадкого маленького сквернословия».

Вот так я оказалась на кухне совсем одна. Я вдыхала аромат пирогов, восхищалась блеском начищенной кухонной утвари и любовалась отполированной поверхностью часов, украшенных остролистом. Передо мной выстроились на подносе в ряд серебряные кружки, которые только и ждали того, когда к ужину их наполнят душистым элем с пряностями, под ногами расстилался предмет моей особой гордости – безукоризненно чистый пол, который я собственноручно подмела и вымыла до блеска. Я мысленно отдала должное каждому предмету вокруг меня, и тут вспомнила, как старый хозяин приходил в кухню после предпраздничной уборки, говорил, какая я молодчина и совал в руку традиционный рождественский шиллинг¹⁴. Сразу вспомнилась и любовь покойного хозяина к Хитклифу, и его боязнь того, что после его смерти мальчик будет страдать от дурного обращения и небрежения. Естественно, я начала размышлять о том, в каком ужасном положении оказался бедняга сегодня, и вместо того, чтобы запеть, я заплакала. Правда, скоро до меня дошло, что вместо того, чтобы лить слезы без толку, нужно хоть немного исправить то зло, которое ему причинили, и я пошла на двор поискать паренька. Он был тут – на конюшне, где чистил и без того сияющую шкуру черного пони и выполнял свою обычную работу, задавая корм всем остальным лошадям.

– Поторопись, Хитклиф! – сказала я. – В кухне так хорошо, а Джозеф убрался к себе наверх. Пойдем скорей, я приодену тебя к приходу мисс Кэти, и вы сможете посидеть спокойно у очага, где никто вам не помешает, и наговориться всласть до отхода ко сну.

Он продолжал свою работу и даже головы не повернул в мою сторону.

¹² Сочельник – вечер накануне Рождества.

¹³ Рождественские гимны – неотъемлемая часть празднования Рождества в Великобритании. Часть гимнов являются фольклорными произведениями, часть – творения профессиональных музыкантов, исполняемые на церковной службе, и те, и другие знают все жители острова с детства.

¹⁴ Шиллинг – серебряная монета в двенадцать пенсов. Обычный подарок слугам на Рождество.

– Давай, Хитклиф, не упрямясь, – сделала я еще одну попытку, – каждому из вас я пеку по маленькому пирожку, и они почти готовы. А тебя надо одевать еще добрых полчаса.

Я подождала пять минут, но, не получив ответа, ушла. Кэтрин поужинала с братом и его женой, а мы с Джозефом ели отдельно, и трапеза эта была совсем не веселой, ведь с одной стороны неслись упреки и ворчание, а с другой – колкости. Пирожок и сыр Хитклифа остались на столе на всю ночь – как говорится, «пошли на корм эльфам»¹⁵. Хитклиф умудрился затянуть работу в конюшне до девяти вечера, а потом напрямик отправился, молчаливый и мрачный, в свою каморку. Кэти засиделась допоздна, отдавая тысячу распоряжений по подготовке к встрече гостей – своих новых друзей, и только один раз забежала на кухню, чтобы перекинуться словечком со старым другом, но Хитклифа не было. Кэти спросила только, что с ним, и тут же поспешила обратно по своим делам. Утром Хитклиф встал рано и, поскольку был праздник, отправился срывать свою злость на вересковые пустоши и не возвращался до тех пор, пока семья не отбыла в церковь. Казалось, пост и размышления подействовали на него благотворно. Он некоторое время вертелся вокруг меня, а потом собрался с духом и выпалил: «Нелли, приведи меня в порядок! Я хочу быть хорошим мальчиком!»

– Давно бы так, Хитклиф, – обрадовалась я, – ты действительно сильно расстроил Кэти. Скажу тебе по правде, она даже жалеет, что вернулась домой. Сдается мне, что ты ей завидуешь, потому что с ней носятся, а тобой пренебрегают.

Зависть к Кэтрин явно была для Хитклифа чувством непостижимым, однако обвинения в том, что он ее огорчил, его очень задели.

– Она сама сказала, что я ее расстроил? – спросил он с самым серьезным видом.

– Она заплакала, когда я сказала ей, что утром ты опять исчез.

– Я тоже плакал ночью, – заметил он, – и у меня было больше оснований для слез, чем у нее.

– Ну конечно, у тебя были все основания отправиться спать на пустой желудок, но с сердцем, полным гордыни, – отвечала я. – Гордецы сами вскармливают свои же печали. А теперь послушай меня внимательно: если тебе стыдно за свою обидчивость, ты должен попросить прощения у Кэти сразу же, когда она вернется домой. Просто поднимись, попроси позволения поцеловать ее и скажи... Впрочем, ты сам лучше знаешь, что сказать. Главное, чтобы слова твои шли от сердца и не звучали так, как будто бы новый наряд превратил мисс Кэти в незнакомку. А теперь, хотя мне обед надо готовить, я найду время и сделаю из тебя такого пригожего парня, что Эдгар Линтон покажется рядом с тобой надутым болванчиком! Ты моложе, но, бьюсь об заклад, выше ростом и чуть ли не вдвое шире в плечах. Да ты его одним пальцем с ног свалишь и сам об этом знаешь!

Хитклиф на мгновение расцвел, но тут же опять нахмурился.

– Ах, Нелли, Нелли, – отвечал он, – да если я его даже раз двадцать свалю в драке, он не станет хуже на лицо, а я не превращусь в записного красавчика. Почему у меня нет светлых локонов и томной бледности, почему я одет бедно, лишен хороших манер и у меня нет шанса в один прекрасный день разбогатеть?

– Ты что, и вправду хочешь быть таким, как он, – насмешливо добавила я, – и звать мамочку по любому поводу, и дрожать от страха, когда деревенский мальчишка грозит тебе кулаком, и сидеть целый день в четырех стенах, если на улице дождик? Где твоя храбрость, Хитклиф? Ну-ка подойди к зеркалу, и я покажу тебе, что тебе действительно нужно изменить в лице. Видишь две глубокие вертикальные борозды на лбу? Видишь эти брови, которые, вместо того чтобы изгибаться дугой, горестно сталкиваются на переносице? Видишь этих черных черт, которые так глубоко сокрылись в глубине твоих глаз, что никогда не растворяют ставни, а

¹⁵ Эльфы в английском фольклоре отчасти похожи на русских домовых. Оставленная на ночь еда, особенно в рождественскую ночь, по народным представлениям, становится пищей для этих духов.

только смотрят в щели, как дьяволы соглядатаи? Научись разглаживать гневные морщины, смело подними веки и замени чертенят на доверчивых и невинных ангелов, которые смотрят на мир без подозрения и сомнения и видят в людях скорее друзей, нежели врагов. Не смотри, как кусачая шавка, которая получает пинки по заслугам, но ненавидит весь мир и пуще всего того, кто ей эти пинки дает.

– Получается, что мне нужен гладкий лоб Эдгара Линтона и его огромные голубые глаза? – спросил Хитклиф. – Но сколько бы я ни желал этого, их у меня не будет.

– Доброе сердце – залог прекрасного лица, мой мальчик, даже если оно черно, как у негра. А злой нрав даже писаного красавца сделает хуже чем просто безобразным. А теперь, когда мы помылись, причесались и прекратили дуться, скажи-ка мне, разве ты не считаешь себя красивым? Я так точно считаю. Ты похож на переодетого принца. Может быть, отец твой был китайским императором, а мать – повелительницей Индии? И любой из них мог купить Грозовой Перевал с усадьбой «Скворцы» в придачу на свой недельный доход? Может быть, тебя похитили пираты и привезли в Англию? Я бы на твоём месте уж точно приписала бы себе благородное происхождение. Одна мысль об этом может придать столько отваги и достоинства, что можно без потерь пережить притеснения ничтожного и грубого фермера!

Вот так я болтала без остановки, и в ответ на мои слова Хитклиф постепенно перестал хмуриться. Он уже выглядел вполне прилично, когда наш разговор прервал грохот экипажа, движущегося по дороге и въезжающего во двор. Хитклиф бросился к окну, а я – к двери, и как раз вовремя, чтобы увидеть обоих молодых Линтонов, которые вылезали из семейной кареты, закутанные с головы до ног в плащи и меха. Эрншо спешили – они зимой часто ездили в церковь верхом. Кэтрин взяла за руку каждого из гостей, ввела их в дом и усадила у огня, от которого на их бледных личиках сразу же проступил румянец.

Я велела Хитклифу поторапливаться и возможно скорее высказать гостям свое почтение, а он охотно подчинился. И надо же было такому случиться, чтобы именно в тот момент, когда он потянул на себя кухонную дверь, чтобы выйти в залу, с другой ее стороны очутился Хиндли, который и сам хотел эту дверь отворить. Они столкнулись, и хозяин, обозлившись из-за того, что мальчик выглядит чистым и нарядным, или же желая в точности выполнить свое обещание миссис Линтон, отбросил его резким тычком и гневно приказал Джозефу:

– Держи парня подальше от наших комнат! Пусть сидит на чердаке до конца обеда. Неровен час, он начнет совать пальцы в торт или стащит все фрукты, если оставить его одного на минуту.

– Да что вы такое говорите, сэр, – не выдержала я, – ничегошеньки он не тронет! И в конце концов, должен же он получить свою долю праздничных кушаний.

– Он получит от меня хорошую трепку, если только посмеет высунуть нос с чердака до темноты! – заорал Хиндли. – Пошел вон, бродяга! И ты еще посмел распустить перья? погоди, вот доберусь до твоих напояженных локонов, и посмотрим, не станут ли они после этого чуточку длиннее!

– Да у него и так волосы длинные, – заметил Эдгар Линтон, заглядывая в кухню. – Как только у него голова от них не болит? Они у него свисают прямо на глаза, как лошадиная грива.

Молодой Линтон говорил без всякого заднего умысла, но дикая натура Хитклифа не смогла выдержать даже намек на насмешку из уст того, кого он уже тогда ненавидел как соперника. Он схватил соусник с горячей яблочной подливой (первое, что попало ему под руку) и выплеснул все его содержимое в лицо и на грудь говорившему. Эдгар разразился жалобным плачем, на который прибежали Изабелла и Кэтрин. Мистер Эрншо сразу же схватил нападавшего и утащил его в свою комнату, где, без сомнения, не церемонился в средствах, чтобы укротить строптивца, потому что вернулся он, покраснев и тяжело дыша. Я принялась салфеткой не слишком деликатно оттирать Эдгару нос и рот, приговаривая, что он получил по заслугам за

то, что вмешался не в свое дело. Изабелла заревела и начала проситься домой, Кэтрин стояла смущенная и только краснела за всех.

– Вы не должны были говорить с ним, – вдруг напустилась Кэтрин на Эдгара Линтона, – он и так уже был в дурном настроении. А теперь вы испортили себе пребывание здесь, а Хитклифа высекут. Ненавижу, когда его секут! Теперь не смогу съесть ни крошки за обедом. И зачем только вы заговорили с ним, Эдгар?

– А я и не разговаривал, – прохныкал мальчик, вырвавшись из моих рук и вытирая остатки подливы льняным платочком. – Я обещал мамочке, что ни словом с ним не перемолвлюсь, и я выполнил обещание.

– Ну тогда прекратите плакать, – презрительно бросила Кэтрин, – вас не убили. А то еще хуже сделаете. Да хватит же, говорю вам, вот идет мой брат! И вы, Изабелла, замолчите. Вас что, кто-то обидел?

– За стол, дети, за стол! – скомандовал Хиндли, с шумом входя в гостиную. – Каков негодяй – я так его отделал, что даже аппетит разгулялся. В следующий раз, юный Эдгар, вершите правосудие собственными руками, а точнее – кулаками, тогда обязательно проголодаетесь как волк.

Вся компания скоро восстановила душевное равновесие, когда оказалась у стола, уставленного ароматными яствами. Все проголодались после поездки и легко утешились, потому что настоящего вреда им никто не причинил. Мистер Эрншо щедро резал мясо и накладывал огромные порции, а его супруга развлекала детей оживленным разговором. Я прислуживала, стоя за ее стулом, и с горечью увидела, что Кэтрин сидит с сухими глазами и равнодушным выражением лица. Она невозмутимо принялась разделявать гусиное крылышко. «Какая же она бесчувственная! – с негодованием подумала я. – Как легко она отбросила беду, приключившуюся с ее старым другом по играм. Никогда не думала, что она настолько себялюбива». Кэтрин поднесла кусочек ко рту, но тут же опустила его обратно на тарелку. Щеки ее покраснели, а из глаз хлынули слезы. Она нарочно уронила вилку на пол и торопливо нырнула под скатерть в притворных поисках, чтобы скрыть свои чувства. Я поняла, что ошибалась, назвав ее бесчувственной. По всему видно было, что она мается, как душа в чистилище, и только и ищет возможности остаться одной или ускользнуть и попробовать свидеться с Хитклифом, которого хозяин запер. Я обнаружила это, когда попыталась тайно отнести ему пару лакомых кусочков, оставшихся после обеда.

Вечером у нас были танцы. Кэти стала просить, чтобы Хитклифа выпустили, потому что у Изабеллы Линтон не оказалось партнера, но ее мольбы остались без ответа, и партнером велели быть мне. Танцевальные па оказались хорошим лекарством от грусти, и настроение наше еще больше улучшилось, когда появился оркестр из Гиммертона из пятнадцати человек: они играли на трубе, тромбоне, кларнетах, фаготах, французских рожках и виолончели, а вдобавок еще и пели. Оркестр по традиции обходит в Рождество все богатые дома в округе и получает пожертвования. Хозяйева специально пригласили музыкантов, чтобы угодить нашим гостям. После того как были спеты обычные рождественские гимны, мы попросили сыграть веселые песни. Миссис Эрншо любила музыку, и оркестр старался на славу.

Кэтрин тоже любила музыку, но заявила, что хочет слушать ее со ступенек лестницы, взбежала по ним и исчезла в темноте. Я последовала за ней. Двери *залы* закрылись за Кэтрин, и никто не заметил ее отсутствия, потому что там было много народу. Она не остановилась на верхней площадке лестницы, а поднялась еще выше – прямоком на чердак, где был заперт Хитклиф, и окликнула его. Сначала он молчал из упрямства, но Кэтрин не сдавалась и наконец-то заставила его заговорить с ней через запертую дверь. Я оставила бедняжек пообщаться без помех, до того времени, когда, по моим расчетам, пение должно было закончиться. Как только певцам и музыкантам предложили угощение, я тут же поднялась по лестнице, чтобы предупредить двух друзей, но вместо того, чтобы найти Кэтрин у двери, я услышала ее голос,

доносящийся изнутри. Маленькая проказница вылезла на крышу через одно чердачное окно и залезла в другое. Теперь она была в каморке Хитклифа, и мне стоило большого труда выманить ее обратно. Появилась она не одна, а в сопровождении Хитклифа. Кэтрин потребовала, чтобы я отвела его в кухню. Путь был свободен – Джозеф отправился к соседям, чтобы, как он выразился, «оказаться подальше от сатанинских песнопений». Я строго сказала детям, что не собираюсь поощрять их штучки, но поскольку у Хитклифа с прошлого обеда маковой росинки во рту не было, я решила, что не будет большой беды, коль скоро он разок обманет мистера Хиндли. И вот маленький беглец спустился в кухню, я усадила его на табурет у очага и принялась потчевать разными вкусностями. Но мальчика как будто тошнило, и он поел совсем немного, а все мои попытки развеселить его наталкивались на холодное молчание. Он уперся локтями в колени, положил подбородок на руки и погрузился в глубокое раздумье. Когда я спросила, о чем он думает, он совершенно серьезно ответил:

– Пытаюсь придумать, как мне отомстить Хиндли. Мне все равно, сколько ждать, главное – отплатить ему сполна. Надеюсь, он не помрет раньше!

– Стыдно, Хитклиф, очень стыдно! – отвечала я. – Наказывать злых людей – Божий промысел, а мы должны учиться прощать.

– Ну уж нет, Бог не получит от этого такого удовольствия, как я, – воскликнул он. – Только бы придумать наилучший способ! Оставь меня, и я до чего-нибудь обязательно додумаюсь. Когда мои мысли о мести Хиндли – я не чувствую боли.

Впрочем, мистер Локвуд, эти истории вас, наверное, совсем не занимают. Уж и не знаю, что на меня нашло сегодня, раз я так разболталась. Ваша каша остыла, и у вас глаза слипаются. Я могла бы рассказать вам про Хитклифа и гораздо короче.

Итак, добрая миссис Дин перебила этими словами саму себя, поднялась и начала складывать шитье, но мне было буквально не двинуться от тепла камина и спать вовсе не хотелось.

– Посидите еще со мной, миссис Дин, – взмолился я. – Ну хотя бы полчаса! Вы правильно сделали, что рассказываете вашу историю со всеми подробностями. Только так мне и нравится. Продолжайте, пожалуйста, столь же неторопливо. Мне более или менее интересны характеры всех, о ком вы рассказываете.

– Но часы уже бьют одиннадцать, сэр!

– Не важно. Я не привык ложиться рано. Могу в час ночи отойти ко сну, или даже в два, потому что встаю не раньше десяти.

– Не раньше десяти? Неправильно это, сэр, так самое лучшее время утром пропустите. Тот, кто половину дневной работы до десяти не переделал, может и со второй половиной не управиться.

– Да садитесь же обратно в ваше кресло, миссис Дин, потому что завтра я точно раньше полудня не встану. Сдается мне, что завтра меня будет терзать жестокая простуда.

– Надеюсь, нет, сэр. Позвольте мне только пропустить в моем рассказе годика три, когда миссис Эрншо...

– Нет, нет, ни в коем случае! Представьте себе, миссис Дин, вот вы сидите в одиночестве и перед вами на ковре кошка вылизывает своих котят. Так стоит ей пропустить хотя бы одно ушко у одного котенка, и вас это вдруг выводит из равновесия...

– Какое праздное времяпрепровождение, позволю заметить, сэр!

– Да нет же, весьма деятельное. Вот и у меня сейчас такое настроение. Поэтому продолжайте ваш рассказ со всеми возможными подробностями. Только представьте себе узника в темнице и обитателя коттеджа, и еще представьте себе паука – каким ценным он будет для заключенного, если вознамерится свить паутину у того в камере. А для жильца паук в доме – только досадная помеха. Так и люди здесь мне чрезвычайно интересны. Они живут более естественной жизнью, больше погружены в себя, меньше в них поверхностного, наносного, ненужной шелухи. Мне уже кажется, что я влюбился в этот край, хотя совсем недавно искренне

считал, что нельзя и года прожить на одном месте. Это как поставить перед голодным одно блюдо, дать ему насытиться им и оценить его по достоинству. Или же подвести его к столу со всеми изысками французской кухни – удовольствие от такой еды будет у него не меньшим, но каждое кушанье останется в его памяти лишь мельчайшей частью целого.

– Да мы тут такие же люди, как и все прочие, если узнаете нас получше, – безыскусно отвечала миссис Дин, кажется, пораженная моими рассуждениями.

– Простите меня, мой добрый друг, но вы сама – наилучшее подтверждение моим словам. Говорите вы совсем не как провинциалка, ну, может быть, за исключением пары местных словечек, проскользнувших в вашей речи. И манеры у вас вовсе не такие, как у вашего сословия. Уверен, вы в своей жизни предавались размышлениям гораздо чаще и больше, чем это свойственно слугам. А все потому, что волей-неволей развивали свои мыслительные способности, не подвергаясь глупым городским соблазнам.

Миссис Дин рассмеялась:

– Да, я почитаю себя женщиной разумной и сдержанной, но вовсе не потому, что всю жизнь прожила на этих холмах, любуясь на одни и те же лица и сталкиваясь с одними и теми же поступками. Просто меня смолodu держали в строгости, а от строгости и пошла мудрость. Кроме того, я много читала, гораздо больше, чем вы могли бы подумать, мистер Локвуд. В библиотеке этого дома не осталось книг, куда бы я не заглянула, и – самое главное – откуда бы я чего-нибудь не вынесла, кроме, конечно, книг на греческом и латыни, да еще на французском. Но я даже эти языки могу отличить друг от друга – а от дочери бедняка трудно ожидать большего. Ну да ладно, мистер Локвуд, если вы хотите, чтобы я и дальше рассказывала, как деревенские кумушки, со всеми подробностями, то лучше мне продолжить. Вместо того, чтобы пропустить три года, я расскажу вам о том, что случилось с нами следующим летом – летом 1778 года, то есть почти двадцать три года назад.

Глава 8

Утром прекрасного июньского дня родился первый малыш, которого я выпестовала, и последний в старинном роду Эрншо. Мы убирали сено на дальнем поле, когда девчонка, которая обычно приносила нам завтрак, прибежала на час раньше. Она неслась через луг и по дороге, выкликая мое имя.

– Какой чудный карапуз! – выпалила она. – Самый красивый младенец на свете! Но доктор считает, что хозяйке не оправиться, ведь у нее много месяцев была чахотка. Я сама слышала, как он сказал мистеру Хиндли: «Теперь, когда ее ничего здесь не держит, она не доживет до зимы». Тебе господин велел тотчас идти домой, ведь это ты будешь его нянчить, Нелли. Будешь давать ему сладкое молоко, заботиться о нем день и ночь. Хотела бы я быть на твоём месте: младенчик-то будет целиком на твоём попечении, когда хозяйки не станет.

– Ей и вправду так плохо? – спросила я, отставляя в сторону грабли и завязывая под подбородком ленты чепца.

– Сдаётся мне, она не жилица. Но держится бодро, – отвечала девочка, – её послушать, так она надеется увидеть, как сынок её будет расти и взрослеть. Она вне себя от счастья, ведь малыш – прямо картинка! На её месте я бы точно не умерла: я бы от одного только его вида выздоровела, назло Кеннету. А на доктора у меня, честно скажу, зла не хватает! Тетушка Арчер принесла нашего ангелочка хозяйину в залу, и у того прямо лицо засияло, а старый доктор как каркнет: «Эрншо, благодарите Бога, что ваша жена оставляет вам такого чудесного сына. Я её как увидел, сразу понял, что долго она у нас не протянет. Готовьтесь, что зима её доконает. Но вы особо не убивайтесь – этому горю помочь нельзя. Надо было думать, когда выбирали в жены такую тростиночку!»

– А что ответил хозяин? – спросила я.

– Да выругался, должно быть. Не знаю, я на него внимания не обращала. Только и смотрела на ребеночка! – Она опять начала восторженно описывать младенца, да так, что мне и самой уже не терпелось его увидеть. Я изо всех сил торопилась домой, чтобы принять на себя заботы о новорожденном, но в душе очень сочувствовала мистеру Хиндли. Его сердце могло вместить в себя только двух кумиров – его жену и его самого. Он обожал обоих и боготворил одного, посему я даже представить себе не могла, как он переживет потерю.

Хиндли собственной персоной стоял в дверях Грозового Перевала, когда мы пришли, и я тут же спросила:

– Как ребенок?

– Ещё немного – и побежит, Нелл! – отвечал он, пряча свое смятение под улыбкой.

– А госпожа? – отважилась я задать следующий вопрос. – Доктор говорит, она...

– К черту доктора! – прервал он меня, краснея от ярости. – Фрэнсис прекрасно себя чувствует. Она будет совсем здорова уже на следующей неделе. Ты идешь наверх? Так скажи ей, что я сейчас же к ней приду, если она пообещает не разговаривать. Я ушел потому, что она болтала без умолку, а она должна... скажи ей, мистер Кеннет не велел ей напрягаться.

Я передала послание миссис Эрншо. Она была неестественно возбуждена и с какой-то лихорадочной веселостью отвечала: «Ах, Эллен, да я и двух слов не сказала, а он дважды выбежал из моей спальни в слезах. Ладно, передай, что я обещаю не разговаривать, но удержаться от смеха я точно не смогу, если он будет себя так глупо вести!»

Бедняжка! Даже в последнюю неделю её земной жизни ей не изменил её веселый нрав, а её муж упорно, – нет, яростно – утверждал, что её здоровье крепнет с каждым днем. Когда Кеннет прямо сказал ему, что медицина тут бессильна и он отказывается вводить Хиндли в дополнительные расходы своим присутствием, тот отвечал: «Я знаю, что вам нет нужды к нам больше приходить. Она здорова, вашего присутствия тут не требуется. У неё и чахотки-то

никогда не было – просто небольшая лихорадка, от которой она излечилась. Ее пульс теперь такой же спокойный, как и мой, а щеки так же прохладны».

То же Эрншо повторил и своей жене, а она ему вроде бы поверила. Но однажды ночью, когда она склонилась к нему на плечо и начала говорить о том, что завтра сможет подняться с постели, на нее напал приступ кашля – но не очень сильного – муж подхватил ее, а она обвила его шею руками, по лицу ее пробежала судорога и она скончалась.

Как и предсказывала девочка-служанка, младенец Гэртон оказался полностью на моем попечении. Пока мистер Эрншо видел, что малыш здоров и не плачет, он был вполне удовлетворен. Но сам он пребывал в отчаянии. Горе его было из тех, что не находят выхода в стенаниях и жалобах. Он не плакал и не молился, наоборот – он проклинал и кощунствовал. Он клял Господа и людей и с горя пустился в пьяный разгул. Слуги не смогли долго выдерживать его самодурства и бесчинств. Вскоре в доме остались только я и Джозеф. Я не могла бросить вверенного моему попечению малыша. Кроме того, я ведь была хозяйину, знаете ли, молочной сестрой¹⁶, и мне было проще, чем чужому человеку, находить извинения его поведению. Джозеф остался, потому что держал в кулаке арендаторов и работников. Там, где вокруг творилось зло, он чувствовал себя как рыба в воде со своими вечными попреками и призывами к добродетели.

Порочный образ жизни и круг общения хозяина являли не лучший пример для Кэтрин и Хитклифа. То, как Хиндли обращался с парнем, и святого превратило бы в черта, но, нужно сказать, что в Хитклифа в это время словно и вправду вселились какие-то злые силы. Он с наслаждением наблюдал за полным падением Хиндли, который с каждым днем только подкреплял репутацию человека дикого и необузданного. Даже не могу вам описать, что у нас каждый день творилось в доме. В конце концов даже священник прекратил нас навещать, и никто из приличных людей к дому даже на пушечный выстрел не приближался. Единственным исключением стали визиты Эдгара Линтона к мисс Кэти. Ей в ту пору исполнилось пятнадцать лет, и не было красивей ее девушки в округе. Никто не мог с ней равняться. Но до чего же упрямой и заносчивой она выросла! Признаюсь, я больше не испытывала к ней той привязанности, которую чувствовала раньше, и часто Кэтрин на меня сердилась, когда я пыталась поумерить ее спесь. Но никогда она меня не оттолкнула, не отвергла. В ней жила удивительная верность тем, кого она любила в детстве, и даже Хитклиф не утратил своей власти над ее чувствами. Молодой Линтон, при всех своих достоинствах, не мог произвести на нее столь же глубокое впечатление. Он и был моим покойным хозяином. Вот здесь, над камином, висит его портрет. Раньше этот портрет висел с одной стороны, а портрет его жены – с другой, но ее портрет убрали, а то бы вы могли посмотреть, какой она была. Вот, взгляните!

Миссис Дин подняла свечу, и я различил те мягкие черты, слепок с которых я увидел в лице девушки на Грозовом Перевале. Однако человек на портрете выглядел гораздо более чувствительным и милым. От него так и веяло обаянием. Длинные светлые волосы кудрявились на висках, взгляд огромных глаз был серьезен, а стан даже слишком гибок. Не удивительно, что Кэтрин Эрншо забыла своего первого друга ради такого кавалера. Меня поразило другое: как мог такой человек, как Эдгар, если ум его соответствовал внешности, увлечься той Кэтрин Эрншо, которую я себе представлял.

– Хороший портрет, – сказал я своей домоправительнице. – А он передает сходство?

– Да, – отвечала она, – но хозяин выглядел лучше, когда оживлялся. Обычное выражение сдержанности, как здесь, его не красило. Понимаете, ему не хватало характера, силы духа.

¹⁶ «Молочное» родство устанавливается, если не родных по крови детей вскормила одна женщина. Детей хозяев часто вскармливали служанки. Скорее всего, родители Эллен также служили в доме Эрншо. По обычному праву «молочное» родство накладывает на родственников многочисленные обязательства и запреты, в том числе помощь в тяжелых ситуациях и запрет на сексуальные отношения.

Кэтрин поддерживала свое знакомство с Линтонами с того самого дня, когда она пять недель оставалась под их кровом. Она легко обуздывала свой норов в их обществе, потому что стыдно грубить в ответ на неизменную учтивость. Сама того не осознавая, она произвела благоприятное впечатление на старших Линтонов своей искренней сердечностью, завоевала восхищение Изабеллы, а также получила сердце и душу ее брата в придачу. Сначала ее самолюбию льстила их привязанность, а потом она научилась, не желая никого обманывать, как будто бы раздваиваться. Там, где Хитклифа называли не иначе, как «отпетым молодчиком» и «гнусным животным», она старалась не вести себя так, как он, но дома ей незачем было быть вежливой, ведь над ней бы только посмеялись. И она не сдерживала свой необузданный характер, коль скоро хорошее поведение не ценилось на Грозном Перевале.

Мистер Эдгар редко набирался храбрости, чтобы открыто приехать к нам. Его отпугивала дурная репутация Эрншо, и он не хотел лишний раз встречаться с ним. Тем не менее здесь его всегда принимали со всем почетом, на который мы только были способны. Даже хозяин не допытывался в своей всегдашней оскорбительной манере, зачем юноша приезжает, а если чувствовал, что не может быть достаточно учтивым, просто уходил. Мне кажется, визиты молодого Линтона не доставляли Кэтрин удовольствия: она не умела занять гостя, не проявляла кокетства и явно противилась тому, чтобы два ее друга встречались. Если Линтон выказывал презрение и неприязнь к Хитклифу, она не могла оставить его чувства без внимания, словно такое отвращение к товарищу ее детских игр распространялось и на нее. Я не раз посмеивалась над ее невысказанными бедами и затруднениями, которые она в тщеславии своем пыталась скрыть от моих насмешек. Звучит не очень по-доброму, но Кэти была просто нестерпимо горда, настолько, что невозможно было и представить. Я ждала, когда она хоть в чем-то пойдет на попятный, и наконец она вынуждена была открыться мне, потому что в целом свете не было другой души, с которой она могла бы посоветоваться.

Однажды мистер Хиндли уехал днем, и Хитклиф решил по этому случаю дать себе немного отдыха. Ему тогда, наверное, уже исполнилось шестнадцать, и, не будучи ни уродом, ни дураком, он умудрялся производить впечатление существа, отталкивающего внешне и внутренне (от чего, кстати, потом полностью избавился). К этому времени он утратил все преимущества, которые давало ему полученное в раннем детстве образование. Тяжелая работа от расвета и до заката убила в нем любопытство и тягу к знаниям, задавила любовь к книгам и стремление учиться. Сознание собственного превосходства, которое ему в детстве внушало благоволение покойного мистера Эрншо, сошло на нет. Он долго пытался не отстать от Кэтрин в ее занятиях, но потом сдался с острым, но безмолвным сожалением, и никогда уже не стремился наверстать упущенное. Когда он понял, что бесповоротно должен остаться ступенью ниже, он даже не сделал попытки подняться. Внешность его теперь отражала упадок внутренних: у него появилась шаркающая походка, он начал сутулиться и смотреть волком. Раньше он был просто замкнут и сдержан, а теперь стал подчеркнuto, до глупости нелюдим. Похоже, он получал какое-то нездоровое удовольствие, когда вызывал у немногих своих знакомых неприязнь и даже не пытался снискать уважение.

Хитклиф по-прежнему старался как можно больше времени проводить с Кэтрин в краткие минуты своего отдыха, но более не выражал свою привязанность словесно. Дошло до того, что он стал яростно отвергать ее ребяческие порывы, как будто подозревая, что недостойн таких знаков внимания. В тот день, о котором я рассказываю, он вошел в *залу* и заявил о своем намерении побыть в праздности как раз тогда, когда я помогала мисс Кэти с ее туалетом. Такое решение Хитклифа застало Кэти врасплох. Она считала, что в отсутствии брата дом будет в ее полном распоряжении и каким-то образом умудрилась сообщить об этом мистеру Эдгару. Теперь же она готовилась принять своего гостя.

– Кэти, ты нынче занята? – спросил Хитклиф. – Собираешься куда-то?

– Нет, на дворе дождь, – отвечала она.

– Тогда почему на тебе шелковое платье? У тебя будут гости?

– Никого я не жду, – промямлила Кэти, – но тебе пора в поле, Хитклиф. Уже целый час после обеда прошел. Я думала, ты уже ушел.

– Хиндли не часто избавляет нас от своего мерзкого присутствия. Сегодня я больше работать не буду, – заявил Хитклиф. – Я посижу с тобой.

– Джозеф тебя выдаст, – заметила она. – Лучше бы ты в поле пошел.

– Джозеф грузит известь за Пеннистонскими утесами. Он до темноты не вернется и ничего не узнает.

С этими словами он ленивой походкой подошел к камину и упал в кресло. Кэтрин на мгновение напряженно задумалась, сведя брови в нитку. Ей надо было как-то намекнуть Хитклифу, что ожидаются визитеры.

– Изабелла и Эдгар Линтоны говорили, что заглянут сегодня, – заговорила она после минутного молчания. – Идет дождь, вряд ли они доберутся до нас, но если все-таки это случится, тебе может не поздоровиться. Зачем тебе неприятности?

– Прикажи Эллен сказать, что ты занята, – настаивал Хитклиф. – Не гони меня, Кэти, из-за этих твоих жалких, напыщенных дружков! Иногда меня так подмывает сказать всю правду... Нет, я не должен этого говорить...

– Чего ты не должен говорить? – воскликнула Кэти, глядя на него с тревогой. – Ах, Нелли, – добавила она в раздражении, – довольно мне волосы расчесывать! Мои локоны совсем разовьются. Хватит, оставь меня! Так какую правду ты хотел мне сказать, Хитклиф?

– Никакую. Просто взгляни на этот календарь на стене, – он указал на лист в рамке, висевший у окна, – Крестиками отмечены вечера, которые ты проводила с Линтонами, а точками – те, что ты провела со мной. Видишь? Я каждый день отметил.

– Да, вижу... Ну и очень глупо... Я и не заметила! – отвечала Кэтрин обиженным тоном. – И какой в этом смысл?

– Смысл в том, что я это замечаю, – возразил Хитклиф.

– И что, мне теперь все время сидеть только с тобой? – с растущим раздражением заговорила Кэтрин. – Какая мне от этого радость? Да ты даже не можешь поговорить со мной толком! Ведешь себя как ребенок малый или как дурачок, честное слово, и ничем развлечь меня не можешь!

– Ты раньше никогда не жаловалась, что я мало с тобой разговариваю или что тебе не нравится мое общество! – воскликнул Хитклиф в сильном волнении.

– Да какое это общество, когда человек ничего не говорит и ничего не знает, – пробормотала Кэтрин.

Хитклиф вскочил, но не успел выразить обуревавших его чувств, потому что на мощеной дорожке послышался цокот копыт, раздался тихий стук в дверь, и сразу же после этого в залу вошел молодой Линтон. Лицо его сияло, так счастлив он был неожиданным приглашением Кэтрин. Хитклиф тут же пошел к двери. Без сомнения, от девушки не укрылась разница между двумя ее друзьями – тем, кто вошел, и тем, кто вышел, как будто бы из холодной и негостеприимной горной местности, изуродованной угольными копями, она перебралась в прекрасную плодородную долину. Трудно было представить себе более несхожих молодых людей не только внешне, но и по манере говорить, чем Хитклиф и Эдгар. Голос последнего был нежен и тих, а слова он произносил ну в точности как вы: без здешней резкости и отрывистости.

– Надеюсь, я приехал не слишком рано? – спросил он, покосившись на меня. Я принялась протирать утварь и убирать в ящиках дальнего буфета.

– Нет, – ответила Кэтрин. – А ты что тут делаешь, Нелли?

– Свою работу, мисс, – твердо сказала я, ведь мистер Хиндли строго-настрога приказал мне не оставлять их одних, если молодой Линтон прибудет с визитом.

Она подошла ко мне сзади и яростно прошептала: «Убирайся отсюда со своими пыльными тряпками. Когда в приличный дом приезжают гости, слугам нечего скрести и убирать в тех комнатах, где их принимают!»

– Нельзя упускать возможность, мисс, спокойно прибраться, когда хозяин в отлучке, – громко ответила я. – Он не любит, когда я этим занимаюсь в его присутствии. Уверена, мистер Эдгар меня извинит.

– А я не люблю, когда ты прибираешься в *моем* присутствии! – высокомерно бросила Кэтрин, не дав возможности гостю заговорить. Она явно еще не отошла после ссоры с Хитклифом.

– Прошу меня извинить, мисс Кэти, – был мой ответ, и я продолжила усердно свою работу.

Кэтрин, думая, что Эдгар ее не видит, вырвала тряпку у меня из рук и преобольно, «с вывертом», ущипнула меня за руку. Я уже говорила вам, сэр, что любовь моя к мисс Кэти к этому времени ушла, и я, каюсь, иногда не могла отказать себе в удовольствии уязвить ее тщеславие. К тому же она очень сильно меня ущипнула, потому я вскочила с колен и закричала: «Ну, мисс, это уже слишком! Вы не вправе так щипать меня, и я этого не потерплю!»

– Да я тебя пальцем не тронула, подлая лгунья! – в свою очередь закричала Кэтрин. Уши у нее покраснели от гнева, а пальцы опять тянулись ко мне, чтобы сделать свое злое дело. Она никогда не умела скрывать свои чувства, и теперь лицо ее пылало.

– Тогда что это? – спросила я, показывая пунцовый след пальцев, который явно свидетельствовал не в пользу Кэтрин.

Она топнула ногой и, поколебавшись одно мгновение, отдалась во власть обуревавших ее чувств и залепила мне такую пощечину, что глаза у меня тут же наполнились слезами.

– Кэтрин, дорогая! Кэтрин! – попытался вмешаться Линтон, потрясенный одновременно лживостью и злонравием своего предмета обожания.

– Убирайся отсюда, Нелли! – повторила Кэтрин, дрожа от ярости с ног до головы.

Маленький Гэртон, который в те дни ходил за мной как пришитый и теперь сидел подле меня на полу, увидел мои слезы и заревел сам, жалуясь на «злую тетю Кэти». Этим он навлек ее гнев на свою ни в чем не повинную голову: мисс Кэти схватила малыша за плечи и принялась трясти его так, что у него лицо посинело. В этот момент Эдгар, на свою беду, схватил ее за руки, чтобы освободить ребенка. В долю секунды Кэтрин вырвала одну руку, и ошеломленный юноша получил такой удар в ухо, который никак нельзя было объяснить шутливой потасовкой между друзьями. Молодой Эрншо буквально замер. Я подхватила Гэртона на руки и вышла на кухню, но дверь за собой не закрыла, так как хотела узнать, что будет дальше. Оскорбленный гость направился за своей шляпой – он был бледен, и губы его дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.